

ВИКТОР НАСЕДКИН

ЕФРЕЙТОР СИЗОВ
И ЕГО ТОВАРИЩИ

Родился Виктор Наседкин в 1925 году в городе Спас-Клепики Рязанской области.

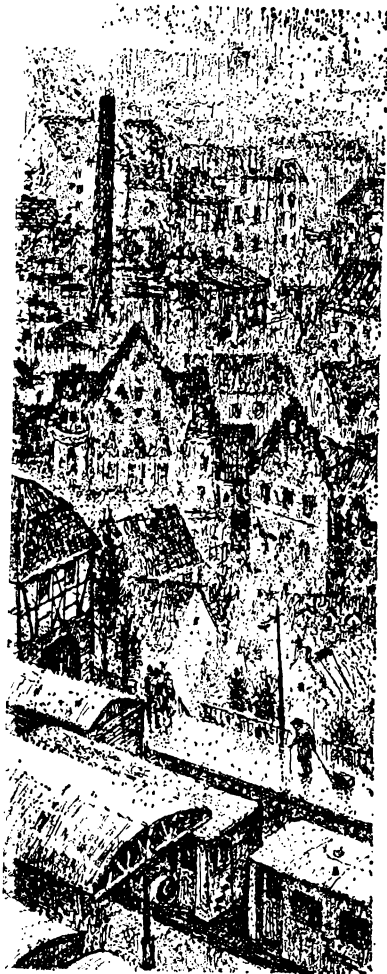
Впервые с родным и прекрасным мещерским краем Виктора Наседкина разлучила война. После ее окончания он вернулся туда, жил и работал там до последних дней. Но постоянно, на протяжении своего творческого пути, он помнил и писал о суровых военных годах. В этом можно убедиться, прочитав рассказы Виктора Алексеевича, где говорится о нелегкой любви фронтовика, о неистребимой доброте прошедшего войну советского человека, и повесть о схватках советских пограничников с бандеровцами.

Интересны эти произведения и тем, что в них прослеживаются черты биографии автора.

Виктор НАСЕДКИН

ЕФРЕЙТОР СИЗОВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

г. Москва

В ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

Было это в Германии, в один из июньских дней 1945 года. Мы с Петром Добряковым возвращались из служебной командировки. На узловой станции пересели в другой поезд. До отхода его оставалось часа полтора, и Петр предложил:

— Давай в город сходим. Посмотрим, как немцы живут.

Мне никуда идти не хотелось, да и город этот я уже видел: был тут в апреле. И Петр видел. Но он всегда любознательнее меня: так и тянет парня к новым ощущениям. Я же решил подремать.

— Раз ночью плохо спал — подремли. И место покарауль, — сказал Доб-

ряков и махнул пилоткой. На выгоревшей гимнастерке звякнули боевые награды.

Теперь ни души. Я с удовольствием растянулся на жестком сиденье, надвинул на глаза пилотку, чтобы не мешал свет. Полежал минуту-другую, но, к удивлению, сон не шел. Огорчился даже и сел к окну.

Тоскливо одному в чужой стране. Захотелось, как обычно бывает в пути, когда время ползет по-черепашьи, с кем-нибудь поговорить. О чем угодно, лишь бы не скучать. Хороши дорожные встречи — ни к чему не обязывают, ничего не требуют, а душе вроде легче после исповеди... Но поговорить было не с кем.

Я уже начал было злиться на себя за то, что не пошел с Добряковым. Злость эта усиливалась еще и оттого, что за вагонным окном пошел дождь. И вокзал, и люди стали серыми. Я с досадой поглядывал на медленно прохаживающихся по перрону немцев. Метрах в двадцати стояли две девушки в кокетливых шляпках. Одна из них — низенькая, худенькая, белобрысая, с ярко накрашенными губами — беспрестанно смеялась. Она так широко открывала рот с ровными рядами белоснежных зубов, что мне невольно подумалось: проглотит она наш солдатский вагон вместе со мной — единственным пассажиром. Другая — высокая, черноволосая, но не менее худая — все время прыскала, едва раздвигая губы, словно они были стянуты тягучей резинкой. «Да у тебя, голубушка, по всей вероятности, зубы с изъяном», — подумал я.

Потом к девчатам подошли парни в пестрых пиджаках и коротких, как трубы, кожаных штанах. Один из них — длинноногий, синеглазый блондин, другой — приземистый, с черной копной подстриженных «под польку» волос. Теперь уже смеялись четверо. Блондинка перестаралась: всплескивая руками, она выронила носовой платок. Брюнетик, стоявший рядом, проворно наклонился, поднял платок и учтиво подал его большеротой хохотушке. Она в знак благодарности сделала реверанс и многозначительно улыбнулась. Молодой человек ответил

ей не менее обворожительной улыбкой. По-видимому, и сам он был доволен этим джентльменским жестом.

Меня не удивило, что молодые немцы непринужденно вели себя на перроне, хотя здесь было немало русских солдат. «Они наверняка привыкли к нам, — решил я. — Чуть больше месяца прошло, как кончилась война, а пугало Геббельса не действует больше».

Правда, беззаботная компания мне скоро надоела. Я отвернулся от окна, все еще надеясь, что вот-вот вернется Петр Добряков или кто-нибудь из наших военнослужащих и сядет в вагон. Но никто не приходил.

«Петька, черт, где ты бродишь, бросил меня, можно указать, единственного друга, с которым прошел многие сотни километров, и в ус не дуешь», — думал я.

Я искренне любил этого неунывающего смоленского парня. Лишь однажды горе чуть не сломило его. Это было в сентябре 1943 года. Наше подразделение отвоевало село, где родился Добряков. Он не нашел ни своей избы, ни матери. Односельчане, уцелевшие после ухода фашистов, рассказали, как умирала его больная мать. Гитлеровцы, ночевавшие в доме Добряковых, выбросили ее на снег: им не понравилось, что она кашляла и стонала. Остальное доделал холод...

Больше месяца Петр не мог придти в себя. Он дрался неистово, самоотверженно, и пуля только раз задела его, на всю жизнь оставив глубокий шрам на щеке.

Впрочем, о том, как воевал Петр, говорят награды. Медаль «За боевые заслуги», потом — «За отвагу», а у границ Германии ему вручили орден Славы третьей степени.

Трудно сказать, что заставило меня снова глянуть в окно вагона. Я увидел пожилого немца с желтой повязкой на рукаве, на которой удручающе, словно пустые глазницы, выделялись три черных пятна. Такие повязки носили в Германии слепые или люди с никудышным зрением. Судя по шарманке, стоящей на низенькой тележке, старик был уличным музыкантом. Здесь таких музыкантов, зарабатывающих пфенниги однообразными и то-

скливыми мелодиями, было немало. Почти у каждого вокзала, на перекрестках многолюдных улиц они крутили шарманки, и длинные скрипучие звуки наводили на всех тоску. Лишь редкие прохожие награждали усердных музыкантов мелкими, давно обесцененными монетами.

Старик, напряженно щурясь, растерянно стоял в толпе. Ему нужно было, как я понял, спуститься вниз по лестнице и выйти в город. Дрожащими натруженными руками он пытался приподнять шарманку, но силы изменяли ему. Выдохшись, он бросил это занятие и одиноко стоял среди прохожих, надеясь, что кто-нибудь сжалится, поможет. Но... всем было не до него. Прошла мимо и та беззаботно хохотавшая компания. Никто даже не взглянул на слепого человека.

Помощь явилась неожиданно. Петр Добряков, возвращавшийся из города, видимо, несколько минут, как и я, смотрел на слепого. Потом молча подошел к нему, что-то попытался объяснить на пальцах. Старик ничего не видел, значит, ничего не понял. Тогда Петр снял с тележки шарманку и спустился с нею по лестнице. Он делал обычное доброе дело. Но воспринято это было теми, кто видел происходящее, не совсем обычно. Люди застыли в удивлении. Советский солдат, которого здесь еще не так давно боялись пуще огня, который по их понятию должен был принести им по меньшей мере сибирскую ссылку, первым пришел сейчас на помощь слабому, их соотечественнику, и не случайно слышалось со стороны: «Гут», «Прима». И никто из немцев, произносивших эти слова, не знал, что мать этого молодого, рано поседевшего русского солдата, погибла на далекой Смоленщине морозной ночью 1943 года по вине фашистов. Мне хотелось закричать им об этом, но я сумел сдержаться.

УПУЩЕННОЕ СЧАСТЬЕ

Говорят, беда в одиночку не ходит. Счастье тоже. Если уж повезло человеку, то надолго. И наоборот...

С последнего дня войны ефрейтор Федор Червонец не по земле ходил — словно на крыльях летал: веселый, беззаботный, одаряя встречающих и поперечных сиянием голубых глаз и белозубой улыбкой. Радовался: до Потсдама дошел, в Берлине побывал — жив остался. А вражеские пули и осколки не раз щупали его, понаделали на теле рубцов, но руки-ноги уцелели, голова в порядке. Как же не радоваться? И на гимнастерке над левым кармашком позвякивали серебром орден Славы третьей степени, медаль «За отва-

гу», а над правым — горел гвардейский значок. Не стыдно в таком виде домой вернуться.

Спустя два месяца после победных майских дней получил он письмо от дружка-земляка. Сообщал тот, что отыскалась его, Федора, любимая — Наташа. Оказывается, в армии она была, помогала общую победу ковать. Демобилизовалась перед самым концом войны. Сейчас живет в Москве. И адрес, со временем позабытый, приписал в конце письма.

Правда, в письме не все медом было — и горькая пилюля обнаружилась: мать у Федора хворает, очень хочет увидеть сына. Но эти не ко времени горестные слова не погасили сияния глаз. Федор понимал: мать совсем еще не старая — пятьдесят только, — поболее и поправится. Разве можно умереть после победы, не увидев сына любимого?

А увидит она его скоро — отпуск Федору подписали. Краткосрочный, на десять суток. Домой, к родным. Конечно, тут была не столько Федора заслуга, сколько замполита роты — старшего лейтенанта Купцова. Это он, увидав в глазах солдата затаенную грусть и прочитав письмо, сказал:

— Если мать больна, пусть справку вышлют, заверенную врачом. Говоришь, два с половиной года не был дома?

— Точно. Два с лишком, — преданно глядя в глаза офицера, подтвердил Червонцев. — Как в январе сорок третьего ушел, так и не бывал.

— Пусть справку вышлют, — еще раз напомнил старший лейтенант. — А мы подумаем, что дальше делать.

Справку прислали без задержки. Болезнь матери была невыдуманной. И замполит, пришпилив справку к рапорту ефрейтора Червонцева, послал документы с резолюцией командира роты дальше, в батальон.

Сразу же после победы начальство было доброе и не скупилось на отпуск, тем более, если он обоснован, а солдат достоин. Естественно, резолюция была положи-

тельная: назавтра ефрейтор Червонцев обязан отбыть в отпуск.

Завтра. А вечером он вдруг загрустил: как встретит его Наташа? Ведь она служила не в тылу, а среди истового брата-фронтовика, у которого четкой была поговорка: «Война все спишет!». И, бывало, списывала...

Сомнениями своими ефрейтор поделился с замполитом.

— Выбрось ты, Червонцев, блажь из головы. Черт-те чего городишь. Сказала же, что любит тебя одного — значит, так и есть.

— Может, и любит. Куда теперь ей деваться-то? Но ведь в армии была, солдаты вокруг, мужичье одно...

— Коль любила — не забыла, — не сдавался замполит, поморщившись от слова «мужичье».

Червонцев умолк, пытаясь понять: по долгу своей службы говорит так замполит, боевой дух у солдата поднимает или от чистого сердца?

— Ты что: раздумал ехать? — решительно спросил старший лейтенант.

— Нет.

— Так что ж кисель разводишь? Кстати, к ней и матери едешь — подарки какие припас?

— Подарки? — изумился ефрейтор. — Откуда они у солдата? — И тут же пошутил невесело: — Разве я, живой, не самый лучший подарок для них?

Все же замполит предложил Червонцеву:

— Пока магазин не закрыт, пойдем купим что-нибудь.

— У меня и денег-то нет.

— Пойдем, поглядим, может, и выберем твоим женщинам подарки.

Офицерам предоставлялась возможность покупать по талонам в определенных магазинах кое-какие вещи.

— Наташа твоя какой размер носит? — спросил он.

— А кто ее знает, — засмеялся ефрейтор.

Офицер поморщился. Но тут же подумал: «А ведь прав ефрейтор: ему же семнадцать было, когда воевать

уходил. В таком возрасте о женских туалетах не думают».

— Ростом она как? Да ты на эту немку-продавщицу взгляни и сравни!

— Пожалуй, такая же, — колебался Червонцев. — И, подойдя к продавщице поближе, уверенно сказал: — Не выше и не ниже тогда была.

— А не полнее?

— Нет, как будто. Точно такая. Только лучше и красивее.

— Это-то понятно, — согласился офицер и подозвал улыбающуюся продавщицу.

— Вы какой размер носите? — спросил на ломаном немецком.

Миниатюрная и любезная продавщица говорила охотно, стараясь угодить военным.

— Так, значит, — солидно сказал старший лейтенант. — Покажите нам кружевной гарнитур. Розовый или сиреневый, как ты думаешь? — спросил у солдата. Червонцев заколебался.

— Лучше, пожалуй, розовый.

— Розовый, значит. И вязаную кофточку вот эту, и юбочку такого же цвета заверните. Так, что ли, ефрейтор?

— Так-то так, только денег, говорю, у меня нет.

— Знаю, — отрубил замполит. И, обращаясь к продавщице, сказал: — Отдельно заверните вот этот платок.

Ефрейтор взглянул на яркий, в полприлавка, платок и обомлел:

— Да что вы, товарищ старший лейтенант. Чем расплачиваться-то буду?

— Службой хорошей, солдат. Службой...

Вечером, когда по воинскому распорядку значились часы самоподготовки, в Ленинской комнате, просторной и светлой, где на самом броском месте красовался портрет генералиссимуса Сталина, собралось полроты. Одни играли в шашки почему-то в поддавки и на щелчки по

носу, другие — в домино. Но больше всего солдат столпилось у трехметрового бильярда с зеленым сукном: резались «в американку», на вылет. Старший лейтенант, выставив до этого всех соперников, столкнулся с сержантом Крутовым. На каком положении находился Крутов в роте — трудно сказать: отделением не командовал, но и на охрану постов его не ставили. Червонцев тоже вовле стола был — за игрой следил, переживал за замполита.

— Едешь, значит? — загнав шар в лузу, наигранно спросил сержант Червонцева. — Счастливчик. Так, говоришь, твоя деваха тоже на фронте была? Стало быть, опытная. Ты там тоже не теряйся. Докажи, что мужик... — захохотал, явно довольный собой.

Крутов слыл ротным донжуаном. Солдаты, окружившие стол и слушавшие его сальные шуточки, громко смеялись. Червонцев нервно вздрогнул, к щекам прилила кровь. Не смеялся и старший лейтенант. Он испытующе посмотрел на ефрейтора, заметил краску смущения на его лице и, намеливая кий, сказал как можно спокойнее:

— Ты не слушай его, ефрейтор. Крутов — болтун известный. Ты же знаешь, сколько в армии хороших девчонок: и скромных, и честных. Помню одну связистку. Ее тоже как твою, Червонцев, Наташей звали. Позарился однажды на нее майор, комбат. Так она ему такую пощечину отвесила, что даже командир дивизии услышал. И не стало того майора в полку... Так вот, сержант, не надо всех мерить на свой аршин, — и замполит, кончив мелить тонкий конец кия, почти не целясь, послал шар в лузу. Потом еще один.

...Федор Червонцев, уложив в чемодан вещи, в том числе и те, что купил щедрый старший лейтенант, сразу же лег спать, не дождавшись отбоя. Никто его не осудил, знали: поезд уходит рано утром. Ефрейтор старался заставить себя как можно быстрее уснуть, но сон упорно не шел. Ворочался с боку на бок, считал мысленно чуть ли не до тысячи — не помогало. Разное лезло в голову. Почему-то назойливо маячил перед глазами

угристый и носатый сержант. Федор даже вспотел от мысли, что такой человек, как Крутов, похожий или не похожий на этого разудалого сержанта, мог обнимать его Наташу. Наташу, которая клялась ему в верности.

До тошноты плохо стало ефрейтору Червонцеву. Так до утра и не уснул. Дневальный, пришедший на рассвете, удивился, увидев его готовым в дорогу. Не менее удивился и сам ефрейтор, в столь ранний час чуть не столкнувшийся в двери со старшим лейтенантом.

— Почему, спрашиваешь, и я так рано поднялся? — говорил на пути к вокзалу замполит. — В гражданке отосплюсь.

— Разве вы?..

— Да, ефрейтор, да. Рапорт написал, чтобы в запас уволили. Ведь я до войны в МГУ учился. На втором курсе исторического факультета. Я вот что хотел сказать тебе, Федор: не придавай значения всякого рода пошленьким смакованиям, гадостям вроде крутовских. Люди разные. По-разному и к жизни относятся. Как женщины, так и мужчины. К одним грязь прилипала, потому что эту грязь они сами искали, к другим — нет. Последние знали: хоть война и страшная штука, но она — явление временное и жить на войне надо так же честно, как и на гражданке. Ведь тебя-то война не замарала? Почему должна замарать ее? Одним словом, нельзя терять веру в человека. Нельзя. Ты понял меня?

Червонцев понял все. Понял главное: замполит — превосходный человек, и будет очень жаль, если его демобилизуют. Нечасто встречаются такие. Он шел молча, благодарный и несколько успокоенный.

* * *

Москва встретила ефрейтора Червонцева шумом и суетой. Нес чемодан в левой руке, а правой, почти не опуская, приветствовал офицеров. «Сколько же их в городе, если у одного Белорусского вокзала — сотни?» — думал он, не догадываясь, что одни из них при-

ехали тем же поездом, что и он, другие — возвращались к месту службы.

В справочном бюро, дождавшись своей очереди, он узнал, как удобнее добраться до площади Ногина. Дежурная, пожилая женщина в очках, посоветовала ехать в метро до станции Дзержинская или автобусом. Червонцев избрал первый вариант. Он давно уже не был в Москве, и ему захотелось спуститься под землю и еще раз посмотреть на волновавшие его раньше красотой своей станции метрополитена. Ни в какое сравнение не шли с ними замызганные серые станции берлинского метро, где он побывал из любопытства.

Выйдя из метро на станции Дзержинская, Червонцев решил закурить. Он достал было портсигар с дешевыми и невкусными немецкими сигаретами, но, вспомнив, что на ходу солдату курить не рекомендуется, а пятиминутная остановка лишь оттянет время встречи с Наташей, решительно сунул портсигар в карман защитных галифе и размашисто зашагал по асфальтированному тротуару. Обогнув площадь, он пересек улицу и очутился у пятиэтажного дома с нужным ему номером.

Лифт не работал. Червонцев не очень уверенно зашагал по широкому маршу лестницы, останавливаясь на площадках, чтобы не пропустить Наташину квартиру. Она оказалась на четвертом этаже. Постоял у двери, успокаивая волнение, затем нажал на кнопку. Внутри раздался мелодичный звонок. «А если ее нет дома? — подумал ефрейтор. — Что делать тогда?» Но за дверью послышались молодые уверенные шаги. Звякнула цепочка. На пороге стояла Наташа, похудевшая, повзрослевшая, но все такая же красивая. Большие карие глаза лишь секунду испытующе глядели на военного, затем засветились таким радостным светом, что губы парня невольно расплылись в улыбке.

— Федя! Наконец-то! — воскликнула девушка и закружилась в коридоре. — Да что же это я? Входи быстрее, Феденька, — и потянула его в квартиру.

Не давая ему опомниться, поднялась на цыпочки, об-

хватила его шею легкими загорелыми руками и повисла на нем, чмокая в лоб, в щеки, в подбородок, мешая ему спустить на пол чемодан. Наконец он пришел в себя и разжал руки так, что чемодан стукнулся о крашеный пол, обхватил тонкую талию девушки и прижал ее к себе.

— Сумасшедший, медведь! — забилась в объятиях Наташа, стуча по поганам руками. — Отъелся на казенных харчах! Ведь задушишь меня, Федя, — затихла.

Червонцев почувствовал, как кровь прилила к его щекам, в горле пересохло, сердце забилось учащенно и гулко. Наташа насторожилась, уперлась ладонями в его грудь. Федор разжал руки, и девушка коснулась ногами пола.

Несколько секунд они стояли молча, не смотрели друг на друга, словно провинившиеся в чем-то дети. Первой пришла в себя Наташа.

— Что же мы стоим здесь? Пойдем в комнату.

Ефрейтор посмотрел на свои кирзовые сапоги, потерявшие в дороге первоначальный блеск, хотел было снять их, но заколебался, не зная, в каком виде находятся портянки.

— Иди в сапогах, — поняла его Наташа. — У нас, как видишь, ковровых дорожек нет.

Червонцев прошел в комнату. У широкого окна стоял стол, покрытый темно-зеленой скатертью. Сел на венский стул. Белая полураскрытая дверь вела в другую комнату, видимо, более просторную, в глубине которой отливало черным гляncем пианино. «Мать у нее актриса», — вспомнил он и уважительно еще раз осмотрелся. Вприкрык к столу стояла тахта, а над нею, на стене, оклеенной коричневыми в полоску обоями, висели две большие фотографии в темных рамках. «Отец и мать, — подумал Червонцев. — Наташа — вылитая мать».

Появилась Наташа. Она вышла, по всей вероятности, из ванной комнаты: причесалась, сменила халат на голубенькое платьице.

— Сейчас примешь ванну, а потом будем есть, — сча-

стливая, поглядывая на Федора, пропела она, прибирая на столе книги, тетради, карандаши.

— Я сыт. В поезде ел.

— Мало ли что! Ты в гостях у меня или как?.. То-то. И молчи. В отпуск? Надолго? — щебетала девушка, задавая вопрос за вопросом.

— В отпуск. На десять дней.

— Вот и отлично. Надеюсь, этот у тебя первый?

— Конечно. Дорога не в счет.

— Вот и отлично, — еще раз повторила девушка. — Мама на гастролях. Куда-то к сибирякам укатила вместе с труппой. Так что будем одни хозяйничать. Здорово, правда?

— Еще бы, Наташенька! — потянулся к ней Червонцев.

— Убери руки, ефрейтор, потому что некогда: нужно приготовить тебе ванну, а потом — что-нибудь пожевать.

— Пусть тогда будет так: я съезжу отоварю аттестат, а потом уж закатим пир горой. Кстати, где солдатам харчи выдают?

— Пир так пир! А продукты выдают поблизости от Казанского вокзала. Сама получала — знаю.

При этих словах Червонцев нахмурился. Наташа заметила и улыбнулась. Но улыбнулась как-то грустно и загадочно. Видимо, она догадалась, почему испортилось настроение у Федора.

— Тогда я не буду терять время.

— Найдешь один? — испытующе посмотрела девушка.

— Какой же я солдат, если в мирные дни и в мирном городе харчи не добуду?

— Ну, смотри. А вещмешок у тебя есть?

— Есть. В чемодане.

— Возьми мой. Он наверняка более вместительный. — И Наташа принесла почти новенький и действительно более вместительный, чем его вещевой мешок...

Червонцев вернулся под вечер, голодный и усталый. В битком набитом вещмешке были и хлеб, и сахар, и

консервы, и крупы. Оказалось, не так-то просто и скоро получить все это: отпускников в Москве было много и каждый норовил словчить. Но вне очереди редко кому удавалось проскочить. Бдительность была, пожалуй, почище, чем в секрете: у каждого на учете считанные часы и дни.

Наташа встретила его уже без первоначального восторга, что-то разочаровало ее в нем. Она знала, некоторые фронтовики, да и не только они, считали женщин, всех подряд «полковыми женами», думали о них скверно, несправедливо. Почему-то ей казалось, что и Федор подвержен общему мнению.

Конечно, попробуй удержишься среди сотни солдат и офицеров — красивых и некрасивых, душевных и бездушных, — когда сама не знаешь, будешь ли жива завтра в этом огне и грохоте металла? А хочется ли умирать, если тебе и двадцати нет, если не испытала того, для чего создана?.. Но Наташа была свято предана своей любви, своему Федору и ждала его, ждала все эти трудные четыре года.

Червонцев, не догадываясь о мыслях, обуревавших Наташу, а может, потому, что здорово устал и проголодался, не уловил перемены в настроении девушки, высыпал все содержимое вещмешка на стол и, обняв ее за плечи, сказал ласково:

— Вот теперь можем пировать. Впрочем, это еще не все.

Он принес из прихожей чемодан и, попросив улыбающуюся Наташу закрыть глаза, достал с самого низа чемодана предназначенные ей подарки. Положив их на ее плечо, сказал:

— Секретов больше нет.

— Это все мне? — удивилась девушка, касаясь тонких кружев розовой сорочки, трогая кофточку и юбку. — Спасибо... А вдруг не подойдет?.. Примерю...

«Вот спасибо замполиту, надоумил. Радость-то для нее какая!» — думал довольный Червонцев.

Она не вышла — выплыла из прихожей, грациозно поворачиваясь на ходу и удовлетворенно приговаривая:

— Ну спасибо, ну и Федя... И как тебе удалось угадать мой размер?

— А я помнил, какой ты была после эвакуации у нас в Мещере. И верил, что такой и осталась. Вот и нашел подходящую фигуристую немку-продавщицу.

О заслугах старшего лейтенанта он, разумеется, умолчал.

Они ели, беззаботно болтая. Наташа снова поверила, что Федор ни на толику не изменился, что он любит ее и ничто не может стоять на пути их любви. Она была польщена тем, что он заехал сперва к ней, а не к матери, которая была больна и ради которой ему дали отпуск. И тут же упрекнув себя в эгоизме, укорила и его в черствости: они пируют, а мать, быть может, лежит недвижимая в постели. Но тут же отвергла эту мысль, соглашаясь с Федей: в пятьдесят не умирают после такой радостной победы. Поверив в это, Наташа стала еще беззаботнее. Рассказывала, что мечтает поступить в МГУ, что сейчас готовится к экзаменам, но это пусть его не тревожит, пусть он тянет свою нелегкую и длинную солдатскую службу, она будет ждать его, даже если будет страшно ученой.

Червонцев, взбудораженный близостью любимой, обнял Наташу. Сначала, счастливая, она сопротивлялась как могла, но вскоре расслабилась, прижалась лицом к его груди. Вдруг, вспомнив эпизод из недавнего прошлого, когда такой симпатичный и, казалось бы, такой положительный офицер с упрямством добивался ее благосклонности, а она, защищаясь, решительно оттолкнула его, Наташа вырвалась из объятий Федора.

Червонцев вначале ничего не понял, потом в замутившемся сознании вспыхнули те намеки, которыми проводил его в дорогу сержант Крутов. Он не смог сдержать себя.

— Для кого бережешь себя? Может, только передо мной представляешься?..

Наташа, будто ее ударили, отвернувшись, закрыла лицо руками. Сколько раз она слышала подобное там, в армии... А потому, не поворачиваясь к нему, горестно сказала:

— Эх ты, и ты такой же, как все!

— А почему я должен быть другим, почему? — еще не поняв что он такое говорит, спросил он.

— Почему? — переспросила Наташа и, не найдя ничего лучшего, ответила: — Сполосни лицо холодной водой и ложись спать. Я постелю тебе, — и, тряхнув пышными волосами, прошла в свою комнату.

Он послушался — подставил голову под кран с холодной водой, вытерся полотенцем. Червонцев делал все это нарочито медленно, дабы показаться обиженным, а когда вернулся в комнату, увидел, что тахта уже застелена. Он знал: Наташа в соседней комнате, но туда не пошел. Заело самолюбие. Щелкнул выключателем, гася свет, разделся и тяжело — даже пружины звякнули — повалился в постель...

Наташа не спала — обиженная недоверием, лежала тихо и думала, думала. А на рассвете вдруг решительно встала, надела сорочку, которую он подарил ей, — шелк приятно охлаждал тело — и пошла к нему.

Федор не спал.

...А потом она лежала рядом с ним, закинув руки за голову.

— О чем ты думаешь, Наташа? — спросил он.

Она отстранила его руку, откинула простыню, приподнялась и села, опустив ноги на прохладный пол.

— Теперь ты убедился, что я чиста перед тобой и душой, и телом?.. — сказала она холодно-равнодушно, словно в пустое пространство. — А ведь неверие хуже обмана...

Федор испугался не столько ее слов, сколько тона, с каким они были произнесены, испугался панически.

— Прости меня, Наташа. Я люблю тебя. Прости. Дурак я, — чуть ли не плача, бормотал он.

Она молчала.

Завтракали, не произнося ни слова. Потом Наташа сложила в его вещмешок оставшиеся продукты и сказала:

— Поезжай, Федя, к маме. Она ждет тебя.

— Разреши мне заехать к тебе на обратном пути, — осознав наконец случившееся, непоправимое, попросил он.

— Не знаю, Федя, ничего не знаю. На всякий случай запиши домашний телефон. Когда поедешь обратно, позвони с вокзала. Мне надо подумать...

При расставании она протянула ему руку. Федор легонько пожал ее, а потом припал к ладошке губами. Наташа едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Прости, если сможешь, за все прости, — повторил напоследок Федор и, закинув вещмешок за плечо, поднял чемодан и вышел, тихо закрыв за собой дверь.

* * *

Мать встретила Червонцева у крыльца покосившегося дома, постаревшая и исхудалая. Недуг, видимо, неохотно покидал ее. Долго не отрывалась она от сына, всхлипывала негромко, прижавшись к его груди.

— Спасибо, Федя, что приехал. Теперь я поправлюсь. Обязательно поправлюсь.

И действительно — дня через три мать уже уверенно, распрямившись, ходила по комнате, хлопотала на кухне и в минуты, когда они оставались одни, неотрывно смотрела на него, привыкала к тем чертам, которые изменили лицо сына за два с половиной года, что не видела его. Все ей было по душе: и то, что не увлекался Федор вином, как другие солдаты-отпускники, и его настоящая мужская серьезность. Одно лишь смущало: с утра до вечера сын пропадал на реке, и заметно было — какая-то глубинная печаль засела в его глазах.

Не знала она, что Федор не находит себе места от

тоски по Наташе, от безжалостного суда над собой. Он считал часы, дни, когда снова сможет увидеть ее, но время, казалось ему, топталось на месте.

Федор уехал из своей Мещеры на день раньше, надеясь, что встретится с Наташей. Выйдя из замусоренного вагона, бегом, не обращая внимания на встречавшихся офицеров, бросился к телефонной будке. Набрав номер, Федор прислушивался к протяжным гудкам, а сердце билось тревожно и часто.

— Я слушаю, — спокойно сказал наконец тихий родной голос.

— Наташа, это я, Федя.

Она на секунду замолкла и потом дрогнувшим голосом спросила:

— Почему ты приехал на день раньше?

«О, боже! — пронеслось в сознании Червонцева. — Она знала, когда и в какое время я должен был вернуться!»

— Наташа, разреши приехать к тебе.

В трубке некоторое время было тихо, а потом Наташа с чуть слышным вздохом произнесла:

— Не надо, Федя. Не надо. Может быть, перегорит. А потом... Потом видно будет.

— Тогда хоть разреши писать тебе.

И снова его убило ее короткое молчание.

— Лучше дай мне свой армейский адрес. Я, возможно, напишу тебе сама, — с трудом произнесла она.

Червонцев с тревожной поспешностью назвал номер полевой почты.

— Не спеши так. Я не успела записать. Продиктуй помедленнее, — попросила она. — Вот теперь записала. Будь здоров, Федя. Я очень и очень желаю тебе счастья.

В трубке послышались гудки, и Червонцев со злостью посмотрел на нее, словно трубка была виновата в том, что на другом конце провода больше не хотели говорить с ним.

В часть Червонцев приехал на сутки раньше. Солдаты взвода окружили его и с нескрываемой завистью начали расспрашивать о жизни в России. Он рассказывал подробно о том, что видел сам и что слышал в поезде от попутчиков. Солдаты радовались, что жизнь дома помаленьку налаживается, входит в мирное русло. Удивило всех только, почему ефрейтор приехал, не дожив целый день на гражданке? Червонцев лишь отшучивался. Сержант Крутов заключил на свой манер:

— Наверное, плохо пригтели. Бабы ведь тихонь не любят, — и захохотал привычно громко.

О, как хотелось ефрейтору врезать от души в эту противную рожу за себя, за Наташу, за то, что Крутов своими идиотскими шутками и похабными байками сумел в какой-то степени заронить неверие в его сердце, осквернить самое святое — его чувства к Наташе! Товарищи драки не допустили, развели их по сторонам.

На другой день, ближе к вечеру, в спортивном городке затеяли игру в футбол. Разумеется, играли в сапогах, скинув гимнастерки. Ефрейтор и сержант оказались в разных командах. И, улучшив момент, когда сержант мчался к мячу, Червонцев рванулся навстречу. По мячу били одновременно. Ефрейтор вложил в удар всю свою силу и злость... После игры Крутов неделю хромал, забинтовав щиколотку правой ноги...

Целый месяц Червонцев ждал письма от Наташи. И не дождался. Он окончательно уверовал, что не прощен. Не с кем было теперь поделиться своими думами и сомнениями: замполит за день до его приезда демобилизовался.

А Червонцев еще пять лет тянул солдатскую лямку, служил исправно, старательно исполнял приказы командиров. Пытался забыть Наташу. Но рана зарастала болезненно и медленно, а если точнее, совсем не хотела зарастать.

Как-то в июле 1950 года Федор Червонцев, легко и проворно спускаясь по многочисленным ступенькам величественного МГУ, чуть было не столкнулся с красивой молодой женщиной.

— Наташа!

— Федя!

Они обнялись непринужденно, как старые знакомые. Наташа, веселая и уверенная в себе, взяла его под руку и повела по аллее к свободной скамейке.

— Ну покажись, покажись, какой ты стал, — тербила она его. И, бесцеремонно оглядев с ног до головы, сказала, не скупясь на комплименты: — Мужественный и как всегда красивый. Даже лучше, чем раньше. Рассказывай, как живешь, что делаешь?

Ее веселое настроение передалось ему. Червонцев тоже сиял, согретый этой неожиданной встречей, и надежда, давняя и несбыточная надежда, вновь заискрилась в нем.

— Как видишь, отслужил. В мае демобилизовался. Семь с половиной лет отбухал. Почти два института одолел бы...

— Сожалеешь?

— И да, и нет. Все-таки уже двадцать пять стукнуло. А это как-никак возраст. Лермонтов погиб в двадцать семь.

После короткого молчания, все так же мило улыбаясь, Наташа спросила:

— Что делаешь здесь?

— Сдал документы в приемную комиссию. Буду учиться, если ты не возражаешь.

Намек был слишком явственным, и Червонцев, словно спохватившись, спросил в свою очередь:

— Мы все обо мне. А ты-то как живешь?

— Спасибо, хорошо. На днях получила диплом. За муж вышла... Это тоже на днях, — как можно беззаботнее ответила Наташа.

Червонцев напрягся весь, выпрямился, будто кол проглотил. Хотя раньше он нисколько не сомневался в том, что она закончит университет и выйдет замуж.

— Та-ак. Значит, у тебя все отлично. Кто он?

— Однокурсник. Вместе закончили. Наверное, в аспирантуру поступим... Был на войне, как и ты, служил в Германии. Званием лишь повыше — старший лейтенант, кажется. Если хочешь, познакомлю. Он должен скоро прийти, — Наташа взглянула вправо, в сторону университета, и добавила:

— А вот и он, легок на помине.

Червонцеву почудилось что-то очень знакомое в облике приближающегося человека в светлом костюме. Походка, привычка высоко нести белокурую голову — все это он где-то уже видел. И вдруг Федор узнал его, своего замполита. Когда-то ему очень хотелось встретиться с ним, но думал ли, что встреча может произойти при таких обстоятельствах?

Червонцев поднялся было, чтобы сразу же уйти, но как объяснить все Наташе? И потому он был чрезвычайно благодарен парню, тоже, видимо, студенту, оставившему бывшего его замполита.

Наташа заметила беспокойство Федора, увидела, как внезапно побледнел он, но спрашивать ничего не стала. Объяснил он сам.

— Меня не надо с ним знакомить. Это мой бывший замполит. Человек достойный. Я поздравляю тебя, Наташа.

— Ты что — уходишь?

— Да. Извини, но лучше встретимся как-нибудь в другой раз... — Наташа не стала его задерживать.

ЕФРЕЙТОР СИЗОВ

И ЕГО ТОВАРИЩИ

Василий Кудинов спросонья не понял, что произошло, не понял даже при истошном крике: «Воздух!». Лишь когда раздвинулись двери товарняка и он вместе со всеми скатился с насыпи, стало ясно: снова бомбежка. Натыкаясь друг на друга, солдаты бежали в темень, подальше от состава. Залегли на душистом лугу. Высоко в небе надрывно урчали немецкие самолеты. Недалеко, по ходу поезда, снова заухали бомбы, озлобленно задалаи зенитки. Взрывы заметно приближались. Тревожнее забилося сердце, тело все плотнее прижималось к земле.

Забрезжил рассвет. Словно летучие мыши, ис-

пугались бомбардировщики наступающего утра. Они за-
тихли, удаляясь. Удовлетворенно замолкли зенитки.

Паровоз протяжно засвистел. «По вагонам!» — до-
неслась команда. И на лугу, по обеим сторонам насыпи,
зачернели фигурки.

— Мельниченко, где Мельниченко? — допытывался
старший вагона, когда после переклички не досчитались
ефрейтора.

Старший отвечал за каждого, кто был приписан к ва-
гону, и потому он приказал первым, кто попался на
глаза:

— Кудинов и ты, Сизов! Одна нога здесь, другая —
там. Поищите, уснул, наверное, поганец.

Солдаты выскочили из товарняка и стали внимательно
осматривать луг. Покричали. Мельниченко не отзы-
вался.

— Пойдем назад, — сказал Василий Кудинов. — Он
не иголка, а луг — не стог сена. Может, перепутал ва-
гоны...

Протяжнее засигналил паровоз. Ефрейторы заторо-
пились к составу. Метров сто отделяло их от поезда, ког-
да звякнули буфера и застучали по рельсам колеса, вна-
чале медленно, потом все быстрее и быстрее. Обозленные
и растерянные, остановились они, поняв, что поезда им
не догнать, что отстали от своей команды. Ефрейторы
огорченно смотрели друг на друга, словно спрашивая:
«Что делать будем?»

— По-моему, впереди станция, — предположил Си-
зов. — Немцы бомбили ее. Пойдем. Может, там состав
задержится, и мы успеем к своим шинелям и вещмеш-
кам.

— Да, нескладно получилось, — вышагивая по шпа-
лам, горевал Василий Кудинов.

Последние события властно нарушили размеренный
ритм жизни. Разве мог Василий три дня назад, когда
уходил по увольнительной в город, предположить, что
окажется здесь, недалеко от фронта и за тысячу кило-
метров от полковых казарм, где шесть месяцев — с кон-

ца января до начала августа — топал строевым, ползал по-пластунски, привычно колол штыком измызганные чучела, шваброй драил до желтого блеска полы в коридоре и под нарами.

Но главное, ради чего солдаты полгода нелегкой войны сидели в глубоком тылу на нежирных харчах, были «максимы». Так называли станковые пулеметы. Их изучили назубок — могли разобрать и собрать с завязанными глазами. Иначе какой ты командир расчета, если пулемет как следует не знаешь?!

Кудинов спешил по шпалам за Сизовым и с досадой думал о том, что рвались на фронт, как одержимые, а вот теперь отстали от товарищей.

* * *

Догнать состав им было не суждено. Недалеко от станционных построек друзей остановили младший сержант и солдат, вооруженные автоматами. У обоих погоны в зеленых окантовках.

— Ваши документы, — привычно козырнув, потребовал младший сержант.

Кудинов и Сизов достали из нагрудных карманов служебные книжки. Когда младший сержант внимательно изучал документы, боец стоял поодаль, метрах в шести, с автоматом наготове.

— Куда идете?

— Туда, где, слышите, гудит.

Все утро отчетливо доносилась беспрестанная артиллерийская канонада.

— Нас везли к фронту. А мы от своего взвода отстали, — вмешался в разговор Кудинов.

— Не по своей воле отстали, — добавил Сизов и пояснил, как все было.

— Так-так, — неопределенно и, как показалось Кудинову, многозначительно протянул мосластый, с впалой грудью младший сержант. Он был настолько раскос, что со стороны казалось: левый глаз впился в Кудинова,

правый — в Сизова. — Всякое бывает. Придется вам пойти с нами. На станции никакого эшелона нет.

Ефрейторы пожали плечами, как бы соглашаясь. «Мол, с вами, так с вами. Не все ли равно, куда идти, раз от эшелона отстали. Жаль, что нет ни шинелей, ни рюкзаков».

Однако друзья здорово огорчились, когда им предложили войти в тесную и сумрачную землянку, заперли снаружи на замок.

— И часового приставили, — подсмотрел в подслеповатое окошечко Леонид. — Вот те раз, дожили. Как преступников.

— И все из-за Мельниченко, — зло перекусив соломинку, сказал Василий. Он опустил на мятую-перемятую солому и дернул за ногу Сизова. — Ложись. Свет застишь.

— Уж не письмо ли своей Аньке собрался писать? Самое время. Мол, так и так, нахожусь на передовой и напеваю «Бьется в тесной печурке огонь»...

— Не остри. И без тебя тошно.

— Вот я и хочу понять: в чем мы провинились? — недоумевал Сизов, со злостью приминая солому.

Солнечный луч наискосок прорезал мглу землянки.

— Что тут понимать? И так все ясно. За дезертиров нас приняли.

Кудинов был недалеко от истины. В принфронтовой полосе их задержал наряд одной из пограничных застав. И в то время, когда запертые в землянке ефрейторы сердились и недоумевали, их чистенькие, не затертые еще солдатские книжки лежали на столе перед начальником заставы лейтенантом Макеевым. Старший наряда младший сержант Еременко уже доложил, при каких обстоятельствах задержал ефрейторов.

— Отстали от эшелона, говоришь?

— Они так уверяют, товарищ лейтенант.

— А ты что думаешь?

— Вполне возможно. Перед рассветом-то фрицы бомбили нас.

— Это они могли видеть со стороны.

— Рано на рассвете эшелон миновал станцию.

— И это они могли видеть со стороны, — не сдавался офицер.

— Тогда выход один: запросить, куда шел эшелон и было ли отставание, — посоветовал Еременко.

— Во! — лейтенант поднял палец вверх. — Правильно. Об этом я уже позаботился. Запрос дан. Жду ответ... Вы сейчас сходите на кухню и распорядитесь, чтобы покормили их. Поди голодные, как цуцки.

— Слушаюсь, — щелкнув каблуками кирзовых сапог, младший сержант вышел из избы...

Пребывание в землянке на положении задержанных и подозреваемых Василий Кудинов переживал сильнее товарища. Так давно и упорно рвался на фронт, и вот теперь, когда до передовой два шага, когда артиллерийский гул слышен стчетливо, он сидит под замком, и рядом сторожит часовой. Не ирония ли судьбы?..

Задержанные были приятно удивлены, когда им принесли полный котелок пшенной каши.

— Подкрепитесь, братцы, — сказал солдат. Постоял минуту, оглядывая незнакомцев, и не без подковырки спросил:

— Ложки-то хоть при себе? Может, и их оставили в вагоне?

— Ложку солдат пуще глаза бережет. Или не знаешь? — в свою очередь спросил Кудинов, вынимая из под обмотки меченую алюминиевую ложку.

— А у меня еще и в запасе имеется. Было бы что метать, — весело заметил Сизов, нацеливаясь на котелок с кашей.

— Запасливый. Откуда родом-то?

— Я — москвич, а вот он — рязанец. Косопузый, стало быть, — ответил Сизов.

— Не земляки. Я — вологодский.

— Оно и видно, — засмеялся Василий.

— Что видно-то?

— Что вологодский. Окаешь красиво. Аж в ушах катается, — улыбаясь, разъяснил Кудинов.

— Известное дело... Этого у нас не отнимешь... Ну, лопайте. А то я вас заговорил. — И солдат выбрался из землянки.

Ефрейторы проворно заработали ложками.

— Кормят, что надо.

— Не то, что в полковой школе. Помнишь, с какой радостью шли в наряд на кухню? — печально улыбнулся Кудинов, добирая кашу со дна котелка.

Звякнул замок. Скрипнула дверь. Сутулясь, вошел младший сержант Еременко.

— Подзаправились? — спросил он и, увидев приставленный к стенке котелок, добавил: — Порядок. Теперь потопали к начальству.

Ефрейторы шли между худощавым младшим сержантом, выступающим впереди с зеленым котелком в руке, и часовым, охранявшим землянку. Тот, не спеша, пылил сапогами сзади. Остановились у крыльца деревянного пятистенного дома под железной крышей.

— Ждите здесь, — приказал Еременко и скрылся за желтой резной дверью.

Через минуту возвратился.

— Заходите. Оба сразу.

В просторной горнице, отведенной под канцелярию, сидели майор Тулупов (командир батальона, всегда любил приезжать на заставу неожиданно) и лейтенант Макеев. Они внимательно всматривались в лица подтянутых, опрятно одетых ефрейторов: высокого худощавого Кудинова, коренастого Сизова. Лейтенант переглянулся с комбатом и наконец разрешил им сесть.

— Отстали от эшелона, говорите? — спросил Макеев.

— Так точно, товарищ лейтенант, — ответил Сизов и подробно рассказал о происшедшем.

— И вот что интересно! Мы запросили начальника станции, и он доложил, что никакого эшелона утром

не было. Ага! — Макеев, беря на «пушку», потряс для убедительности бумажкой.

Друзья переглянулись.

— Не по воздуху же он пролетел, — пожав плечами, заметил Кудинов.

— Это я вас должен спросить: по воздуху или под землей проследовал ваш невидимый эшелон, — хитро улыбнулся лейтенант.

— Так кто же мы по-вашему? — рассердился Сизов.

— Вот нас и интересует: кто вы?

— Я уже говорил: мы следовали на фронт и отстали от поезда, — так же горячо продолжал Сизов. — Дезертиры не будут переть в людные места и тем более ближе к фронту.

— А шпионы, — продолжил Кудинов мысль товарища, — экипированы были бы получше. Неужели им довольственный аттестат с вещмешком не выдали бы?

— И вот что интересно! Может быть, вы их выбрали по дороге, чтобы утвердиться в этой легенде. Ага! — не сдавался Макеев.

Кудинов удивленно смотрел на лейтенанта. Странная, видимо, с годами приобретенная привычка откидывать поминутно правой рукой прядь волос, хотя она и не нависала на глаза, и довольно часто начинать фразу с одних и тех же слов: «И вот что интересно», а заканчивать ее неопределенным «ага» развеселила его. Но он погасил усмешку, понимая: в его положении не до смеха.

— Тогда мы хоть названия каких-нибудь населенных пунктов знали бы. Шпионы не идут вслепую. Их выбирают, как пишут обычно, в определенную, изученную местность.

Майор Тулупов встал и, не вынимая рук из карманов брюк, пошел к окну. Под его грузным телом жалобно скрипнули половицы. Он остановился и прислушался, покачиваясь с каблучков на носки, словно проверял перерубы на прочность.

— Нет, не прогнили. Полнею. Надо же... — грустная

улыбка появилась на его слегка одутловатом лице. Потом миготом, как бы показывая присутствующим, что он еще ловок и не стар, круто повернулся к офицеру:

— Ну, что ж, товарищ лейтенант. Это почти готовые пограничники. — И обращаясь к ефрейторам, спросил: — Автоматы изучали?

— Не только автоматы, но и «максимы» знаем как свои пять пальцев, — заявил Сизов.

— Точно, товарищ майор. Замок станкового пулемета с завязанными глазами разбираем и собираем.

— Ну уж, расхвастались...

— Молодцы, — похвалил комбат. — Ваш взвод недалеко отсюда, он поступил к нам на пополнение. Будете пограничниками.

— Значит, наши ребята тоже здесь? Вот история! — воскликнул Сизов и обрадованно спросил: — А когда можно с ними повидаться?

— Скоро. А вот что произошло с Мельниченко — еще предстоит выяснить, — сказал майор. — Но ничего, разберемся.

— А как же фронт? — недоумевал Кудинов.

— И бои будут. Не волнуйся. Скажи: ты сможешь один уничтожить, допустим, взвод фашистов? Нет. А если шпиона поймает, считай, что не только взвод, а роту и даже батальон противника уничтожил...

Так Кудинов и Сизов стали бойцами одного из пограничных полков. Их зачислили в отделение сержанта Алексева. Они быстро сошлись с рядовым Беловым — вологодским парнем, во рту у которого все время перекатывалась «о» и с которым познакомились еще в землянке.

— Вам повезло, ребята, — сияя во всю широту скуластых щек, сказал он. — Командир отделения — хлопец мировой. Конечно, порядок потребует. Без порядка нельзя. Зато дело знает. Пограничник опытный.

«Ребята» и сами успели заметить: сержант — человек серьезный, немелочный.

Фашисты откатывались на запад, не в силах устоять перед нарастающими ударами советских войск. Не спас их и Днепр, на широкий водный рубеж которого они возлагали немалые надежды. Освобождены Киевская, Сумская, Черниговская области.

Следом за передовыми частями двигались подразделения, выполняющие на первый взгляд вроде несложную работу. Но это казалось людям несведущим. Очень скоро Василий Кудинов понял, что значит служба в прифронтовой полосе.

...Василий Кудинов считал дозор стоящим делом, а пребывание у КПП, за шлагбаумом, — недолюбивал. Стой и жди, когда подойдет машина, проверяй документы, поднимай и опускай свежевывстроганную жердь, заматывай бечеву на забитый в столб гвоздь, — занятие утомительное. Таким же утомительным делом считал он проверку служебных книжек у солдат, удаляющихся от фронта по какой-то необходимости или возвращающихся на фронт. Задержанные, как правило, вскоре отпускались (просто бумаги не приведены в порядок), а дезертиров в дни решительного наступления не встретишь. Словом, скука.

Вот и сегодня, заступив вместе с младшим сержантом Еременко на пост, Кудинов исполнял обычные обязанности. Месяцы, проведенные на заставе, многому научили его. Он мог почти безошибочно, по внешнему виду солдата, определить в порядке у того документы или нет. Чаще всего приходилось задерживать таких разудалых фронтовиков или тех, кто подделывался под них. Воротничок у них обычно расстегнут, шинель словно в ступе побывала, а погоны напоминали меха растянутой гармошки.

Как раз и шел в сторону передовой такой вояка. Кудинов и попросил его предъявить документ. Над верхней губой солдата сразу зашевелились короткие усики.

— Фрицам бумажки не нужны. Мы с ними пулями

разговариваем. Доводилось слышать такой разговор?

— То фрицам. А нам нужны, — пропуская мимо ушей прозрачный намек, спокойно сказал Кудинов.

— За каким лешим? Я же на фронт иду.

— Не имеет значения. Солдатская книжка всегда должна быть при себе.

— Нет ее у меня.

— Тогда придется задержать до выяснения личности.

— Как это задержать? — взъерепенился солдат.

— Очень просто.

На пороге будки появился младший сержант Еременко. Он отлично чувствовал, когда требуется его присутствие.

— Хватит шутки шутить. Не к теще на блины иду, — злился задержанный.

К шлагбауму подъезжала полуторка. В кузове сидели солдаты.

— Слышь, ефрейтор, я пойду... — поднимаясь, не очень уверенно сказал задержанный.

— Я тебе пойду! Сиди и жди, — приказал Кудинов, направляясь к полуторке.

Проверив у сидящих в машине документы, Василий напутствовал их:

— Все в порядке. Счастливого пути.

— Товарищ ефрейтор, раз уж задержали того вояку, то и побрейте заодно, — пошутили из кузова.

— Подумаешь, чистоплюи, — огрызнулся задержанный. — Посмотрим, какими оттуда вернетесь.

— За нас не беспокойся. Возвращались не раз, — крикнули ему, и полуторка запылила дальше.

— Со всеми полаялся? — улыбаясь, спросил Еременко. — Пойдем трошки со мной покалякаем, фронтовичок, — и пригласил солдата в будку.

Ничего так не портило настроение Кудинову, как незаслуженные упреки. Он недобрым взглядом смотрел вслед задержанному до тех пор, пока не закрылась за ним тесовая дверь. Даже плюнул с досады.

Из-за поворота вынырнула черная «эмка». Ефрейтор поправил на груди автомат, механически провел большими пальцами между ремнем и шинелью, удаляя возможные складки: в легковых обычно начальство едет. Он подошел к середине шлагбаума, чтобы ускорить процедуру проверки. «Эмка», не снижая скорости, съехала на подмороженную обочину и, не обращая внимания на сигналы постового, покатила дальше. Василий, нырнув под жердь, ринулся следом за машиной, на ходу снимая с шеи автомат, крикнул:

— Стой, стрелять буду!

Расстояние между машиной и солдатом увеличивалось. Кудинов присел на правое колено. Очередь резанула по скатам. «Эмка» неуклюже дернулась, проехала метров пять и остановилась. Из правой дверки вылез капитан и угрожающе рванулся к постовому.

— Ложись! Стрелять буду! — разъяренно заорал ефрейтор.

Офицер сделал еще несколько шагов к нему, но когда над головой прошла новая очередь, плюхнулся на дорожку, скрывая под собой до блеска начищенные шинельные пуговицы.

— Что случилось?

Из будки выскочил младший сержант Еременко.

— Видишь, хлюсты нашлись! Можно подумать, что без них фронт не устоит! — держа автомат в боевом положении, злился Кудинов. — Порядков признавать не хотят!

Младший сержант подошел к поднимающемуся с земли капитану и потребовал документы. Сзади раздался топот копыт. Кудинов оглянулся и невольно вытянулся. К ним приближались верхом на конях командир батальона, начальник заставы и ординарец.

— Что за стрельбу открыли? — ловко выбросив из седла полнеющее тело, поинтересовался майор и отдал поводья солдату.

Кудинов подробно доложил обо всем, что произошло. Комбат и начальник заставы подошли к капитану. При-

дирчиво осмотрев удостоверение личности задержанного офицера, Тулупов, вынув из брюк записную книжку, сделал в ней пометку.

— Это называется хулиганством, товарищ капитан, — резко сказал он.

— Проверить решил, как здесь службу несут, — капитан пытался все перевести на шутку.

— Ну и как?

— Ничего. Службу знают. Если бы с фрицами так воевали!..

— За моих солдат не беспокойтесь. Фашистам от них доставалось не раз. А вам так шутить не советую. Мои молодцы и продырявить могут... нечаянно, — отдавая документы, усмехнулся майор. Он хотел было уйти, но, видимо, вспомнив что-то, добавил: — Чтобы не было для вас неожиданностью, обо всем, что случилось, сообщу в ваш штаб. Надеюсь, за это по головке не погладят, тем более вас — штабного работника.

— Может быть, не стоит, товарищ майор?

— Стоит. И другим накажите подобным образом не шутить, — приложил майор руку к зеленой фуражке. — А вас, ефрейтор, благодарю за службу!

— Служу Советскому Союзу! — скорее по привычке, без подъема ответил Кудинов.

Майор, поняв состояние подчиненного, улыбнулся:

— Выходит, тех пуль жалко, что на своих истратил? Бывает... Но порядок должен быть для всех один. Вот так-то, друг человечества. — Майор вскочил в седло и натянул поводья. Следом за ним поскакали лейтенант с ординарцем.

Шофер-солдат не терял времени даром. Пока офицеры выясняли отношения, он заменял колесо, ухмыляясь чему-то. Поискал глазами Кудинова и, когда встретились взглядом, показал тайком от капитана большой палец, прикрыв его ладонью другой руки. «На большой сработал. Сбил спесь с нашего капитана!» — так понял его Василий.

— Ты чего копаешься там?! — срывая зло на безответном шофере, крикнул офицер.

— Порядок, товарищ капитан. Можем колесить дальше, — озорно блеснув карими глазами, отпартовал шофер.

— Как это колесить?

— В смысле ехать на колесах...

Всю сцену на дороге не мог не видеть задержанный боец. Когда «эмка» уехала, он вышел на порог и, дымя самокруткой, насмешливо произнес:

— Стрелять научились. В тылу таких много. А немцев, небось, и в глаза не видели. Храбрецы...

Младший сержант Еременко пропустил мимо ушей вьедливую реплику, а Кудинов вздрогнул, остановился, хотел, вероятно, сказать что-то, но, махнув рукой, тоже пошел к полуторке, урчащей у шлагбаума. Молоденький младший лейтенант в форме интенданта, подавая документы, спросил с улыбкой:

— Хлопцы, в вашем дворце водички не найдется?

— Имеется, товарищ младший лейтенант.

— А этот что здесь делает? — увидев на пороге задержанного бойца, поинтересовался он.

— Нет документов.

— Наш вояка, Кривошеев. Он ничего не натворил? — строго глядя на бойца, спросил офицер.

— Нет. Только фронтом нас пугает.

— Вообще-то он у нас храбрый... Воюет в обозе на последней повозке! — улыбнулся младший лейтенант. — Марш в машину, вояка! — повысил он голос.

Кривошеев застегнул шинель и, быстро подпоясавшись неведомо где припрятанным ремнем, не глядя на пограничников, побежал к машине, неуклюже перевалился через борт и скрылся в кузове.

— Мы его побрить не успели.

— Я его там, на месте, побрею, — понял шутку Кудинова неунывающий младший лейтенант.

Наконец на улице показался Белов. Он спешил, одергивая полы шинели.

— Вечно ты опаздываешь, — проворчал Кудинов.

Машина застучала колесами на промерзших колдобинах. Еременко подошел к Кудинову и сказал:

— Злости у тебя!.. На двоих хватит...

На другой день Василий Кудинов стоял на посту, охраняя канцелярию заставы. Вчерашний инцидент не давал ему покоя, хотя сердцем Василий понимал, что, стреляя по колесам уходящей машины, поступил правильно.

Но обидные слова, брошенные в лицо небритым солдатом, задели самолюбие. «Стрелять научились. В тылу таких много. А немцев, небось, в глаза не видели. И вшей в окопах не кормили. Храбрецы»... Последнее — «храбрецы» было сказано с нескрываемой иронией и издевкой. Это слово до сих пор звенело в ушах.

Неудовлетворенность не покидала Василия Кудинова все последние месяцы.

«Разве моя вина, что не на передовой, а здесь застрял? Я же ехал фашистов бить, понимаешь, фашистов!» — безмолвно шевелились губы.

И чем больше об этом думал, тем сильнее распался себя Кудинов, тем обиднее становилось ему. Ефрейтора стали раздражать и тархтящие повозки, и понукающие лошадей ездовые, держащие курс на запад. Опираясь спиной на плетень, прибитый к стене мазанки, когда-то, видимо, чистенькой и беленькой, а сейчас серой, с заметными выщербинами от пуль и осколков, он нетерпеливо ждал смены. По его подсчету время уже настало. Кудинов еще раз смерил свою тень — насчитал четыре больших шага. «Так и есть. Опаздывает. Наверное, анекдоты свои паршивые рассказывает», — злился он.

— Не, не забыл. Счас буду, — сказал, появляясь, сменщик.

В один из ноябрьских дней дежурство его у шлагбаума благополучно подходило к концу. Скоро двенадцать. У ефрейтора не было часов. Однако он научился

точно определять время: по солнцу, по собственной тени и, наконец, интуитивно, чувствуя неумолимое движение невидимой минутной стрелки. Сюда, на пост, он шел с надеждой сделать хотя бы часть того, что могло бы оправдать в собственных глазах долгое пребывание его в стороне от боев. Бомбежки, бессонные ночи он в счет не брал. И сейчас, когда внутреннее напряжение спало, когда в эти последние минуты казалось, что ничего уже случиться не могло, Кудинов вновь почувствовал себя бесполезным. За четыре часа он осмотрел столько автомашин, проверил столько офицерских удостоверений и солдатских книжек, что со счета сбился. Солдатские книжки он листал особенно внимательно, искал строку, в которой была умышленно допущена опечатка. Но ничего не находил. На вечернем инструктаже начальник заставы подробно рассказал, на какой странице солдатской книжки, в какой строке, в каком слове сделана опечатка. Тогда, выйдя из канцелярии после инструктажа, Кудинов восхищенно сказал Сизову:

— Вот работают, черти!

— О ком ты?

— О разведчиках наших. Надо же, куда пробрались. В самое гнездо, где документы шпионам делают. Теперь гада поймать — раз плюнуть.

— Думаешь? Тогда считай, что шпион у тебя в кармане, если, конечно, на твой пост притопают. Ты ведь с восьми утра заступаешь?

— С Алексеевым.

— Сливки снимать идешь, — злил Сизов друга. А потом серьезно добавил: — Умерь свой пыл. Шпион не дурак. Он, может быть, километрах в ста отсюда спокойно сидит, хлебает борщ у какой-нибудь вдовушки. И ни капли не сочувствует моему другу, которому отличиться хочется.

— Мне?.. Отличиться?

— А то нет?

— Рехнулся?

— По глазам вижу... Какой же я был бы друг, если

бы не знал, что в твоей душе творится? — Сизов миролюбиво обнял Василия...

«Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом», — вспомнив разговор у канцелярии, мысленно оправдывал Кудинов свое честолюбие.

Ефрейтор неторопливо топтался у шлагбаума, безразлично поглядывал по сторонам. Он понимал, что и на этот раз не повезло. «Не этот же шпион, — думал Василий, глядя на подходившего сержанта в мятой шинели. — Одной руки нет, рукав пустой болтается. У такого и документы грех проверять. Ясно, что из госпиталя идет...»

Но документы он решил проверить. По привычке козырнул:

— Ваши документы, товарищ сержант.

Не очень чисто выбритый сержант неторопливо достал левой рукой служебную книжку.

— Как видишь, отвоевался я, — невесело пошутил он, спокойно оглядывая Кудинова. Левую руку он снова сунул за борт шинели.

Василий заметил это, но виду не подал. Он машинально полистал служебную книжку и почти не задержался на памятной странице, памятной строке и памятной опечатке, а сердце гулко застучало в груди. Сдерживая волнение, он улыбнулся, приложив руку к пилотке.

— Все в порядке. Можете следовать дальше.

Сержант взял документ и, как показалось Кудинову, облегченно вздохнул, сунув книжку в карман гимнастерки.

— Из госпиталя?

— Угадал. Из Андриановского госпиталя. Утром только выписали. Ни одной попутной, как на грех.

— Отдохни малость. Какая-нибудь оказия подвернется. Большак бойкий. Посадим...

— Сделай одолжение, браток. Век благодарен буду. Слово «браток» обидело Кудинова, но виду он не по-

дал. Лишь подумал про себя: «Не так еще благодарить будешь. А «братки» твои за линией фронта остались».

Из будки вышел командир отделения. Кудинов, показывая глазами на раненого, сказал:

— Подвезти сержанта надо. Из Андриановского госпиталя идет.

Последние слова он чуть заметно выделил. Сержант отлично знал: Андриановский госпиталь полмесяца назад переведен в другое место, что человеку в помятой шинели и невдомек, а потому порадовался выдержке ефрейтора.

— Из госпиталя, говоришь? А ты его даже в будку не пригласишь, — осуждающе сказал командир и обратился к раненому: — Холодно вато на улице. Заходите в помещение.

Незнакомец поколебался слегка, но согласился.

— Спасибо. И правда, на улице свежо, — и повернулся к Кудинову: — Не прогляди машину, служивый.

— Не беспокойся, все будет, как надо, — весело улыбаясь, заверил Кудинов.

Несколько минут, оставшиеся до смены, показались ефрейтору вечностью. Он то и дело поглядывал на дорогу, мысленно поторапливал Еременко и Сизова. Не забывал и о двери будки, хотя был уверен, что из рук Алексеева незнакомцу не уйти. Наконец появилась смена. Василий, не выдержав, сделал несколько шагов навстречу.

— Будьте начеку, — зашептал он. — Задержали тут одного.

— Где он?

— В будке. Вы оставайтесь здесь, а я пойду к Алексеву.

Когда он открыл дверь, сержанты мирно беседовали. Командир отделения сидел на лавке по левую руку от незнакомца и что-то оживленно рассказывал. Увидев ефрейтора, безрукий спросил:

— Нет еще машины?

— Нет.

— А почему пост покинул?

— Смена пришла.

Незнакомец хотел встать с лавки, но Алексеев крепко взял его за кисть и строго сказал:

— Сиди. Теперь уж некуда торопиться.

— Что это значит? Над фронтовиком издеваться? — почувствовав пальцы-клещи, взвизгнул инвалид, стараясь вцепиться зубами в воротник собственной гимнастерки.

Кудинов, заметив это движение, вмиг оказался рядом и, ударив ладонью по подбородку, запрокинул голову задержанного, прижал его к стене.

— Хватит комедию ломать! — предупредил Алексеев. — Андриановский госпиталь полмесяца назад переехал в другое место. Понятно? Обыщи его, — приказал командир ефрейтору.

Кудинов, не спеша, обыскал. Из кармана, вшитого под правый рукав шинели, вытащил один пистолет, из левого кармана брюк — другой.

— Хорошо в госпитале снаряжают, — засмеялся Алексеев.

Незнакомец молчал.

— Вася, — Алексеев впервые так ласково назвал Кудинова, — освободи его от ампулы с ядом. Она, по-видимому, в воротнике гимнастерки зашита. Пусть человек успокоится.

Кудинов нащупал ампулу и вырезал ее ножом.

— Поднимайся! — приказал командир отделения. — И запомни: дурака валять не советую. Хуже и больней будет.

Все трое вышли из будки. Впереди Алексеев. За ним задержанный. Кудинов еще раз внимательно оглядел незнакомца. Человек как человек. Лет тридцати, белобрысый, светлые голубые глаза. Еременко с Сизовым тоже с интересом рассматривали его.

Позже, на допросе у начальника заставы задержанный признался, что в сорок втором, раненый, попал в плен. В госпитале ему ампутировали кисть правой ру-

ки и завербовали. Затем — школа шпионов. При ночной бомбежке выбросили на парашюте недалеко за линией фронта. Парашют закопал. Задание — диверсия на железной дороге в прифронтовой полосе.

Разобрав проведенную операцию, лейтенант Макеев поблагодарил сержанта и ефрейтора за службу, а затем сказал:

— Поздравляю вас с представлением к наградам.

* * *

Мартовские тучи, подгоняемые ветром, плыли над землей, то и дело кропили ее нудными дождями. Не успеют просохнуть солдатские шинели, как снова смыкаются над головой тучи и начинается дождь. Раскисший чернозем, сочный, звучно хлюпающий, цепко хватает за сапоги, словно хочет остановить тяжело идущих солдат.

Василий Кудинов проклинал в душе и эту промозглую изморось, и эту расхлябанную дорогу. Ноги, будто к каждой прикрепили по гире, переступали тяжело и неохотно. Три часа солдаты в пути, а деревни, где обещан привал, не видно.

— Вот земляца, так земляца. Масло. Посади в нее оглоблю. — тарантас вырастет, — с восхищением и даже завистью сказал соперший рядом младший сержант Еременко. — Не то, что наши белорусские супеси.

«Черт роскошный, ручной пулемет тащит, ноги еле представляет, а все о земле думает», — не то сердился, не то радовался за него Кудинов.

Про помощника командира отделения пулеметчика Павла Еременко говорили, что у него один глаз смотрит на восток, другой — на запад. Но это не мешало ему точно попадать в цель. Высокий, худой, жилистый, он отличался завидной выносливостью.

А дождик все моросил и моросил, словно не хотел отставать от пограничников. Они поднялись сегодня чуть свет и, не завтракая, двинулись в сторону Ровенской области. Недавно где-то здесь неподалеку украинские

националисты смертельно ранили проезжавшего на автомашине командующего Первым Украинским фронтом генерала армии Ватутина. И вот батальон пограничников шел туда, где бесчинствовали бандеровские банды.

Василий Кудинов раньше и не слышал, что на свете существуют украинские националисты, что они, объединенные в курени* и сотни, хорошо вооружены и воюют, как ни странно, не с фашистами, а со своими же славянами. Днем они отсиживаются в укрытиях и лесных землянках, а ночью врываются в дома, где живут коммунисты, руководители местной власти, где остановились на ночлег небольшие группы советских солдат. Зажиточные хуторяне, кулаки, предчувствуя, что их земля перейдет колхозам, пугали и крестьян, призывали их не подчиняться «москалям», всячески вредить Советской власти. И теперь в жестокости некоторые бандеровцы не уступали фашистам. Об этом вчера рассказывал замполит Трапезников — коренастый лейтенант с постоянной улыбкой на скуластом лице. Как показалось Кудинову, замполит не силен был в истории организации ОУН: Трапезников говорил о «лесных братьях» по написанному, вернее, напечатанному на двух продолговатых листах синеватой бумаги. И сейчас, в походе, механически переставляя ноги по цепкому черноземному месиву, Кудинов вспоминал все то, что услышал вчера о бандеровцах.

...Организация украинских националистов или, как сокращенно называли ее, ОУН, была детищем петлюровцев, которые в годы гражданской войны подставили не одну подножку молодой Советской республике. Во главе с Петлюрой «самостийники» причиняли зло трудовому народу Украины, сеяли предательство и смерть. Красная Армия поставила крест на петлюровщине. Наиболее яростные бандиты поодиночке и группами бежали за границу, где их с готовностью приняли разведки им-

* Курень в данном случае — бандитское формирование из нескольких сот человек.

иерналистических государств. Приняли с тем расчетом, чтобы в нужный час использовать вооруженных до зубов и обученных шпионажу и диверсиям в борьбе с советским народом, активистами.

В 1929 году в Берлине и была образована Организация украинских националистов. Первым главарем ее стал полковник петлюровской армии, австрийский подданный Е. Коновалец — человек жестокий, ярый противник революционных преобразований. В 1938 году руководство ОУН принял А. Мельник (по кличке Консул-1) — также полковник петлюровской армии, к тому же еще и агент немецкой разведки. Через два года ОУН раскололась на две части — на мельниковцев и бандеровцев (последних возглавил Степан Бандера). Мельниковцы и бандеровцы мало чем отличались друг от друга. Те и другие служили фашистским разведывательным органам и по их приказу занимались диверсионно-террористической и шпионской деятельностью против Страны Советов. А когда фашистские полчища напали на нашу страну, украинские националисты решили, что настал их час.

Гитлеровцы, откатываясь под ударами Советской Армии все дальше на запад, оставляли в лесистых районах бандеровцев, на вооружении у которых были не только винтовки, автоматы, пулеметы, но и фальшивый лозунг: «За самостоятельную Украину». И опять лились слезы и кровь советских людей.

Кудинов шел и думал, что, может быть, завтра ему вместе с товарищами придется вступить в бой с этим безжалостным врагом.

...Усилился ветер, затих дождь. Впереди, за лесом, показались строения. Солдаты взбодрились, предчувствуя близкий отдых, ускорили шаг. И вдруг — выстрел, второй, третий. Дрогнула колонна, рассыпалась, как только послышалась команда. Бойцы заспешили, как могли, к хатам, где передний дозор вступил с кем-то в перестрелку. Заставы рассредоточились и разрежен-

НЫМ полуколембом двинулись навстречу нечастым выстрелам.

Одним из первых добрался до околицы Василий Кудинов. Запыхался, вспотел. Дрожащими от усталости и напряжения пальцами он сдвинул предохранитель оружия на автоматическую стрельбу.

Бандеровцы — а это были они, — видимо, не предполагали, что обстреляли передовой дозор, следом за которым движется целое подразделение. В этой захолустной деревушке давно уже не было больших групп советских солдат. Обычно заходили ничего не подозревающие бойцы и, конечно, встречали здесь свой последний час. Бандиты с запозданием поняли свою ошибку, а поняв ее, враспынную кинулись к лесу, что стоял в полукилометре от строений.

Кудинов, пригибаясь, пересек улицу и плашмя упал на землю, прячась за таким же серым, как и его шинель, бревном. И упал вовремя. Секундой позже над ним просвистела пуля. Определил, откуда раздался выстрел. Метрах в ста пятидесяти от него спешил к лесу человек с винтовкой. Короткая очередь. Еще одна. Человек замер на мгновение и опрокинулся на спину.

Вскоре винтовки и автоматы умолкли. Кудинов поднялся, стряхнул прилипшую к шинели грязь и пошел туда, где лежал человек. На всякий случай оружие держал наготове. Но предосторожности были излишни. Молодой парень широко открытыми глазами безжизненно глядел в небо. Рядом валялась серая шапка. Светлые, почти белесые волосы быстро намокали в грязной луже.

— Это ты его? — спросил лейтенант Трапезников.

Ефрейтор кивнул головой, а потом безразлично сказал:

— Сопляк какой-то.

— Сопляк? — удивился замполит. — Нет, брат, он, пожалуй, года на два постарше тебя.

Офицер снял фуражку и вытер носовым платком рас-

красневшееся лицо. Короткие жесткие волосы воинственно торчали над невысоким прямым лбом.

Помолчали.

— Не обыскивал?

Кудинов непонимающе взглянул на офицера.

Нет. А зачем?

— Может быть, оружие или документы любопытные обнаружишь... Что морщишься? Обыщи! Ну, смелее, смелее...

Кудинов нерешительно опустился на колени, расстегнул на убитом пиджак и, тронув плечо, отдернул руку. Тело было еще теплое. Потом, торопясь, начал проверять карманы, стараясь побыстрее покончить с этой неприятной процедурой. Кроме зажигалки, кисета с махоркой и какой-то бумажки ничего не обнаружил. Встал, вытер потное бледное лицо.

— Это первый на твоем счету?

— Да.

— Война есть война. Ничего не попишешь. — Лейтенант помолчал, пытливо глядя ефрейтору в глаза. Затем приказал: — Забирай его винтовку с патронами и пошли в деревню...

Перед ужином на каждой заставе прошло комсомольское собрание. Планировали провести общебатальонное, но в какой хате разместить столько человек! Пришлось отказаться от первоначальной затеи. На заставу, где служил Кудинов, пришел комбат. Он говорил первым. Майор обрисовал обстановку, рассказал, что в результате сегодняшней стычки бандеровцы потеряли десять человек. В батальоне потерь нет, если не считать легко раненного солдата, который находился в передовом дозоре.

— Одним словом, — продолжал майор, — задача такова: искать и громить бандитов. А их немало. Помните: бандиты действуют втихую, когда бдительность притуплена, когда уверены, что перед ними небольшая группа. Знайте и то, что их очень трудно обнаружить. У них определенное преимущество: знакомая местность, есть

свои люди среди населения. Да-да, пусть не удивляет вас — некоторая часть здешних жителей настроена против нас: одни — кулаки, другие — обманутые и запуганные крестьяне. Так что от вашей бдительности, находчивости, а главное — смелости зависит успех операции.

Майор говорил негромко. Но в напряженной тишине его хриловатый от природы голос доносил до солдат каждое слово.

— И вот что хочется еще посоветовать вам: драться до последнего дыхания. Страшитесь плена в любом состоянии. Нашего брата — пограничника они ненавидят больше всего. Если попадетесь, легкой смерти от них не дождетесь. Не подумайте, что запугиваю вас. Нет, просто по-отцовски предупреждаю. сно?

— Ясно, — загудели отовсюду.

— И еще. Вы комсомольцы. С вас спрос особый. Вам и пример показывать. Все.

Потом выступали солдаты. Они говорили коротко: бить врагов смело и умело. И постановление, принятое на собрании, было сжато: задачу решить как можно быстрее, комсомольцы должны быть впереди.

...Глубокой ночью Василий лежал рядом с Сизовым на соломе, шуршащей на глиняном полу, и не мог заснуть. Безжизненное лицо парня с льняными волосами маячило перед ним. Серые большие глаза как бы спрашивали: «За что ты меня, а?» Кудинов сердито повернулся на правый бок, к стене, задев локтем Сизова.

— Не спишь? Все о том парне думаешь?

— Стоит перед глазами и все.

— Нашел о ком терзаться!

— Кончайте шептаться, — послышался с печки приглушенный голос командира отделения. — Спать мешаете.

Застывшее лицо убитого парня, будто услышав голоса, дрогнуло и удалилось куда-то, а Василий, облегченно вздохнув, подумал: «Все, кто против нас, значит, за фашистов. И бить их надо насмерть, без всякой жалости».

Эта мысль расслабила и усыпила...

Утром светило яркое солнце. Тучи разгрузились где-то далеко на западе и сейчас, серые и облегченные, плыли на восток, оголив бездонную синеву неба.

К десяти часам застава, усиленная за счет других подразделений, уже сделала пятнадцатикилометровый переход. Остановились в крохотной березовой рощице, не забыв выставить наблюдателей. Теперь это стало самым первым правилом. Ведь враг мог напасть внезапно, в любую минуту.

Лейтенант Макеев сел на пенек, вынул из планшета потертую карту и долго разглядывал расчерченные квадраты, испещренные топографическими значками.

Когда к нему подошел Трапезников, лейтенант сказал, ткнув в зеленый кружок:

— Мы находимся в этой точке. И вот что интересно! Другие заставы должны быть вот здесь. Ага! В тринадцать ноль-ноль соседи начнут прочесывать лес, держа направление на нас. Особое внимание надо обратить на овраг. Уйти бандиты могут только по оврагу. Перед началом операции нужно проверить хуторок, — лейтенант ткнул карандашом в черный кубик на карте. — Бери с собой отделение сержанта Алексеева и отправляйтесь.

Трапезников не стал мешкать, через несколько минут бойцы отделения Алексеева уже шагали по тропинке.

Хуторок, о котором говорил Макеев, состоял из пятистенного дома с надворными постройками. На задах его начинался мелкорослый березняк. Окна глядели в пустынное поле, пересеченное глубоким разветвленным оврагом. Солдаты, огибая овраг, шли цепочкой. Впереди — командир отделения. Замыкал группу замполит. Он шел, опираясь на заостренный железный прут.

У двери дома солдат поджидал рыжебородый мужичок лет пятидесяти. Он как бы решал, ощупывая солдат зеленоватыми глазами, пускать их в хату или не пускать. Решив, верно, что это от него не зависит (хочет он или не хочет, а если солдаты вздумают осмотреть, что им надобно, — осмотрят), отошел в сторону, опустил руку

в карман овчинного полушубка, вынул кисет и стал спокойно сворачивать «козью ножку».

— Что хмуришься, хозяин, гостей в хату не зовешь? — весело спросил солдат Мищенко, и румяное лицо его расплылось в улыбке.

— Ни-и, я не хмюрюсь. Хотя незваные гости... — и не договорив, поклонявил бумагу, хитро поглядывая на любопытного солдата.

— Хуже татарина, хочешь сказать? — придирался Мищенко.

— Ни. Татары чем не людины? Як и мы, а може, и краше. — Хозяин хутора прикурил, щелкнув зажигалкой, и, выпуская из ноздрей дым, независимо смотрел на розовощекого солдата, как бы спрашивая: «Что, выкусил?».

Лейтенант Трапезников не стал терять время даром.

— Бандеровцы приходили? — прямо спросил он.

— А кто они такие? — с искренним удивлением задал встречный вопрос хозяин хутора.

В разговор встрял расторопный Мищенко:

— Хитришь, батя. Скажешь, и не бачил их, бандитов?

— Бандитов? Да разве здесь есть бандиты? — переспросил бородач. — У нас народ смирный. Вот те крест! — И он решительным и размашистым жестом перекрестился.

— Ты потолкуй с ним, а мы осмотрим хутор, — сказал Трапезников и направился к дому. Но на полпути остановился и вновь обратился к хозяину: — В доме кто?

— Старая.

— Сыны?..

— А сыновья где? — спросил лейтенант.

Рыжебородый замялся, вопрос застал его врасплох: откуда офицеру известно, что у него сыновья, а не дочери? Он не мог сообразить сразу, что вопрос этот самый обычный: в таких ситуациях военных больше интересуют парни, а не девушки, а потому хозяину потребовалось время, чтобы справиться с растерянностью.

— Сыны в армии. Где-то воюют с самого начала... — сказал он наконец и отвел глаза.

— Где-то? — Трапезников звякнул щколдой недавно отремонтированной двери, вошел в сенцы. За ним последовали солдаты.

Хозяин понял, что «незванные гости» заметили его заминку, увидели, что он растерялся, услышав несложный вопрос, что к этому вопросу надо было бы подготовиться заранее. Ведь он-то знал, что сыновья его ни в какой армии не воюют. Один из них — младший — в начале войны пропал где-то на востоке, сопровождая общественный скот, а другой бродит с бандеровцами в здешних лесах, уверенный, как и его отец, что сумеет навредить Советской власти.

— Кто-нибудь приходит к тебе ночевать? — спросил хозяина Мищенко.

— Дурней себя шукаешь? — прищурился тот. — Я сам по себе... Никто мне не нужен.

— А про самостийников слыхал? — не сдавался Мищенко.

— Самостийники — народ что надо. За независимую Украину воюют, — ответил хуторянин с хрипотцой в голосе.

— От кого независимую-то? С немцами заодно, да? От москалей, от Советов, от колхозпив.

— Немцев я не знаю. Не бачил их. У меня на хуторе ни разу не были, стало быть, и худого не сробили.

— Тебе не сробили, так мне сробили. Пол-Украины сожгли! — вспылил Мищенко.

— Значит, было за что. До меня они и пальцем не притронулись, — хозяин бросил погасшую сигарку на землю.

— Ну знаешь, батя, ты говорить-то говори, да не заговаривайся. А то...

— Што, а то? Убьешь? — ехидно улыбался рыжебородый, почувствовав, что они поменялись ролями. Теперь злится солдат, бессильно сверкая глазами. Хозяин знал,

что его никто и пальцем не посмеет тронуть. В Советах за это по голове не глядят. А разговор идет с глазу на глаз. Кто подтвердит?

Мищенко словно уловил эти мысли, еще больше покраснел, отступил на шаг и зло процедил сквозь зубы:

— Живи, сволочь, пока.

Пограничники осмотрели дом и пристройки. Лейтенант проверил щупом чуть ли не каждый метр земли.

— Зря стараешься, — сказал хозяин. — У меня все на виду.

— Богато живешь, отец. Две лошади, три коровы. Молодняка полный двор. И как только управляешься? — сказал лейтенант.

— А на чердаке, у дымохода, копченых окороков пуда три, — глотнув слюну, проокал Белов.

— У нас все так живут, — ухмыльнулся бородач.

— Врешь, не все. Были не в одном селеньи, не в одном доме. У всех — куча детей да одни штаны на двоих, — заметил Мищенко.

— Ты голытьбу за людей считаешь? Лодыри они. Потому и пуза голая. Я роблю от зари до зари и не управляюсь никак...

— Работники помогают? — не то шутя, не то серьезно спросил Сизов.

Рыжебородый не ответил на вопрос и, зло сплюнув, ушел в хату.

— Куркуль. Чистейшей воды. И бандеровец наверняка. Брать его надо! — горячился Мищенко.

— Что куркуль — верно. А брать его не можем. Улик нет, — заключил лейтенант.

Пограничники решили вернуться кратчайшим путем. К оврагу вдоль мелкоколосья прилегла неглубокая заросшая канава. Вдоль нее и шли пограничники.

Василий Кудинов задумался и немного приотстал. Ему вспомнились строки из последнего письма, полученного из дома. «Твоя Анька вышла замуж за Жаркова Женьку. Он — старший лейтенант. После излечения в госпитале неделю гостил дома». И все. Неделя потребо-

валась, чтобы Аня влюбилась. Его Аня, которая, как казалось ему, так верна была.

В первые дни Кудинов лишился покоя, а потом смирился и старался больше не думать о девушке, но помимо воли в памяти вырисовывались ее лицо, прическа под артистку Любовь Орлову, синий берет набекрень.

«Фу ты! Опять двадцать пять, — сердился Василий, — свет клином на ней сошелся, что ли? Я ведь тоже могу...»

Однажды под вечер Кудинов возвращался из штаба батальона. Встретил медсестру. По привычке, что ли, или любопытства ради он проверил документы. Они были в порядке.

— До госпиталя десять километров и ни одной машины, — пожаловалась девушка.

— Ничего не попишешь. Здесь не большак.

— А мне что делать? Через полчаса стемнеет.

— Верно. Впрочем, Катя, у меня есть предложение...

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Я все знаю. Я маг-волшебник.

— Нет, серьезно?

— Святая наивность... Я же документы проверял.

— Ой, правда, — засмеялась Катя. — Так что вы хотели сказать?

Кудинов решительно выпалил:

— Пойдем в наше подразделение. Там переночуешь, а утречком — в путь.

— У вас одни мужчины?

— Найдется отдельная комната.

— Пойдем, — недолго думая, согласилась медсестра. — Не съедите, чай. Так ведь?..

Шли молча. Кудинов не знал, о чем говорить. Выручила Катя.

— Звать-то тебя как?

— Василий.

— Так ведь, Васнлек? Не съедите? — и улынулась кокетливо...

Кудинов доложил начальнику заставы, в каком по-

ложении оказалась медсестра, и тот одобрил решение Кудинова.

— Место найдется. Отведи ее в дом, где размещена канцелярия. И вот что интересно! Во второй половине имеется комната и свободная койка. Ага!

— Слушаюсь, товарищ лейтенант.

Василий Кудинов выпросил у повара ужин, принес шинель, чтобы Кате теплее спалось...

— Думаю, не озябнешь, — прощаясь, протянул ей руку.

...Пулеметная очередь разорвала воздух, и пули, звучно чмокая, взрыхлили землю в нескольких шагах от Кудинова. Василий мгновенно упал и застыл на гладком, без единой кочки поле. Рядом была канава, шедшие впереди скатились в нее, а Василий не успел. Вторая очередь прошла выше. Василий был уверен, что третья очередь накроет его, но тут застрочили автоматы товарищей. Это спасло его. Через секунду он очутился в спасительной канаве, рядом с Сизовым.

— Жив? — спросил тот.

— Как видишь... Откуда стреляют?

Сизов показал рукой на кустарник.

Кудинов огляделся. Канава уходила влево и под прямым углом врезалась в овраг. До него не более ста пятидесяти метров. Заляжет пулеметчик, и никому из отделения не спастись. Это насторожило Василия: надо сказать замполиту.

— Смотри вправо, — зашептал Сизов.

Кудинов не успел рассмотреть, что привлекло внимание товарища. Автомат Сизова ударил короткой очередью. В кустах кто-то рухнул.

— Готов, — удовлетворенно сказал Сизов.

Василий переполз к лейтенанту Трапезникову.

— Товарищ лейтенант, обратите внимание: канава соединяется с оврагом. Один человек может изрешетить всех нас.

— Бери с собой Мищенко и оседлайте овраг, — поняв Кудинова, приказал офицер.

Бойцы поползли по канаве, у края оврага огляделись.

— Ты оставайся здесь, а я переберусь на ту сторону, — сказал Кудинов и проворно сполз на дно глубокого оврага. Затем осторожно стал подниматься на противоположную сторону. Оставалось до гребня оврага метра три, не больше, когда сбоку глину ковырнули пули. Ефрейтор изловчился, цепляясь руками за низенькие кусты, рванулся вверх и очутился за прогнившим пнем. Обильный пот слезил глаза. Вскоре он увидел, как из зарослей один за другим выбрались пятеро. У одного из них в руках был ручной пулемет, у остальных — винтовки. Кудинов хотел было послать вдогонку им очередь, но раздумал. К чему лишний шум? Он поднялся на ноги и вышел на открытое место, но автомат все же держал наготове. Бандиты уже пересекли поле и скрылись за деревьями.

— Кто в тебя стрелял? — крикнул Мищенко.

— Да, видать, все те же.

— Ушли?

— Ага. Сбегай к лейтенанту, скажи. Пять человек было.

Через несколько минут сзади слышались шорохи. Кудинов залег, притаился. Осторожно пробираясь между кустов, шел начальник заставы. Следом за ним несколько солдат. Ефрейтор выпрямился во весь рост. Увидев его, Макеев спросил:

— Что за стрельба была?

— С бандеровцами столкнулись. Обстреляли нас. Туда смылись, — Кудинов махнул рукой в сторону леса.

— Потерь нет?

— Все живы.

— А где лейтенант Трапезников?

— Вона. Все сюда идут.

Раздвигая руками ветки, к ним пробирался Трапезников с винтовкой за спиной. За ним жиденькой цепочкой шли сержант и бойцы отделения.

— Где разжился? — показав на винтовку, к антап-

кам которой вместо ремня был привязан крепкий шпагат, заинтересовался начальник заставы.

— Сизов уложил одного. Хозяина хутора. Прикидывался, что ничего не знает, а как дело дошло до горячего, к своим на помощь поспешил.

— Думаете, в засаде сидели? — имея в виду тех, кто обстрелял отделение, спросил Макеев.

— Думаю, да. А стрелки из них хреновые. Мы ведь как на ладони были. За полтора метра промахнулись из пулемета, — басил Трапезников.

— Радуйся, что такие стрелки, а то не досчитались бы кое-кого. — Макеев задумался. Глубокая складка обозначилась на его лбу.

— И вот что интересно! Все-таки придется прочесать кустарник. Ага! Берите, лейтенант, еще этих ребят и пошарьте, как следует. Мне кажется, неспроста они там сидели.

Оставив двух солдат наблюдать за оврагом, Трапезников начал спускаться с крутого склона. Его примеру последовали бойцы. Когда выбрались на противоположный гребень, офицер распорядился:

— Пойдем цепью. Расстояние друг от друга — восемь-десять метров.

Слева от Кудинова шел сержант Алексеев, справа — ефрейтор Сизов. Двигались медленно. К ботинкам липли прошлогодние листья, голые ветки тонконогих берез царапали лицо — так плотно деревья жались друг к другу. Василий, раздвигая левой рукой пружинистые ветки, держа в правой автомат, поставленный на боевой взвод, не оставлял без внимания ни один бугорок, ни одну ямку. Впереди деревца поредели, и перед глазами оказалась крохотная поляночка с усадистым пеньком посредине. Кудинов почувствовал, что в сапоге сбилась портянка. Он подошел к пеньку и поставил на него ногу.

— Ты чего замешкался? — раздался голос сержанта.

— Да вот, понимаешь... Портянку поправляю, — ответил Василий. И вдруг пенек под ботинком сдвинулся, и образовалась широкая трещина со свежей желтизной

раскола. Ефрейтор еще сильнее нажал, и одна половина пня заметно вдавилась в землю.

— Товарищ сержант, товарищ сержант, идите-ка сюда, — встревожился и негромко позвал Кудинов командира отделения.

— Что случилось? — спросил Алексеев.

— Чудеса и только. Наступил на пень, а он пополам развалился.

— Ну и что?

— Как что? Думаю, расколотый пенек специально в землю вставлен.

— Любопытно! — сержант обошел вокруг пенька, стараясь рассмотреть через расщелину: есть там что или нет. — Интересно! Кто шел от тебя справа?

— Сизов.

— Ефрейтор Сизов! — окликнул сержант.

— Я.

— Передайте по цепи, лейтенанта просят прийти на левый фланг.

— Лейтенанта на левый фланг, лейтенанта на левый фланг, — полусшепотом понеслось по цепи.

Вскоре появился Трапезников. Узнав, зачем его вызвали, распорядился:

— Передайте по цепи: движение прекратить, всем стоять на своих местах.

От бойца к бойцу полетела новая команда.

— Не заминировано? — придирчиво ощупывая и осматривая пенек, интересовался офицер.

— Нет, — твердо уверил Кудинов. — Я бы давно на воздух взлетел. Видите, как он вдавлен.

— Тогда вынимайте, да осторожнее.

Сержант с ефрейтором быстро извлекли половинки дерева, и открылась яма. В глубине желтело. Алексеев лег на землю, сунул туда руку и, напрягаясь, с трудом вытаскивал что-то.

— Мешок, — сказал он. — Тяжелый, черт.

— Я помогу, — опускаясь рядом, вызвался Кудинов.

Вдвоем они вытащили из тайника один мешок, по завязь набитый чем-то, потом — другой.

— Кажется, все, — очищая землю ладонь о ладонь, сказал сержант Алексеев.

— Я осмотрю, — ефрейтор Кудинов спустился в яму, вырытую в рост человека, ощупал дно и стенки и сказал:

— Больше ничего нет.

Развязали бечевку. Сверху лежала пишущая машинка.

— Все ясно. Остальное досмотрим на месте, — обрадовался Трапезников. — Товарищ сержант, быстренько прочешите березняк и возвращайтесь к оврагу. Кто из бойцов поблизости стоит?

— Ефрейтор Сизов.

— Со мной останутся он и Кудинов.

...Лицо начальника заставы, когда ему доложили о находке, просияло, хотя он еще не знал о том, насколько ценны документы, попавшие в руки пограничников.

В полдень солнце расщедрилось. Вынырнув из облаков, оно выплыло в синий разлив неба и ласково пригревало солдатские спины. Земля словно дышала. Казалось, из невидимых пор ее выходили теплые, невесомые, незаметные для глаза струйки. И поле, отдохнув за зиму, готовилось принять в себя семена, чтобы потом отблагодарить людей добрым урожаем. Но людям пока было не до земли. Они, рассержанные, с руками, огрубевшими от дыма и оружия, топтали ее подкованными сапогами и ботинками, ранили свинцом и сталью.

Николай Мищенко вырыл ячейку между двумя березками неподалеку от оврага. Здесь, по предположению начальника заставы, должны пройти бандиты, если им не удастся вырваться из полукольца пограничников, прочесывающих местность. Предположение было основано на реальном расчете. Овраг далеко врезался в поле, разделяющее два лесных массива. Вот почему Макеев рассредоточил отделение автоматчиков на этом участке.

Солдаты быстро окопались и замаскировались, как следует. Вокруг ячеек они воткнули березовые ветки.

Вдыхая бодрящий воздух, Мищенко старательно разминал пальцами ком земли. Крестьянским нутром парень чувствовал, что скоро поле подойдет и наступит время пахоты и сева — время больших крестьянских надежд и мечтаний. Именно весна оживит природу, даст растениям благодатные соки, именно она, по сути дела, скажет, быть урожаю или нет, на полную мощь поработают комбайны и жатки или так, в полнагрузки.

Недавняя стычка с бандеровцами погасила раздражение, вызванное перепалкой с рыжебородым. Но на душе остался горьковатый осадок. Солдата больно укололи слова хуторянина о «москалях», о «колхозпах». Больно потому, что русские, которых он знал раньше и с которыми служит сейчас, отличные парни. Никто так не верен дружбе, как они, никому так не противна националистическая чепуха, как им. Его даже ни разу хохлом не называли. А «колхозпи»? Чем они плохи? Конечно, в колхозах и он разбирается не ахти как. Мальчишкой был, несмышленышем. Но им, хлопцам, тогда радостно было легкой стайкой бегать в ночное, на покосы, к зреющим хлебам, где отцы их сообща работали. Радостно. Глядя на детей, улыбались и отцы. Его, Николая, отец никогда со злостью не говорил о колхозе. Были — как не быть — разговоры о непорядках, об обидах. Но колхоз — большое хозяйство. Все до мелочей не предусмотреть. Потому-то, может быть, и запомнились отцовские слова: «Работаешь хорошо — и ты хорош, а если лодырничает — лодырем и прослывешь. Человек, он как на ладони виден. И земли у всех поровну... На дармочка не разгуляешься». А он, тот хуторянин, разве счастливее отца его? Богаче, факт. Но счастливее — вряд ли.

Более полугода служит Мищенко в армии. Вскоре после освобождения Черниговщины от фашистов ему вручили повестку. Вместе с товарищами в задрипанном пиджачке с белой холщевой сумкой за плечами (за что его и таких же, как он, ребят солдаты прозвали беломешоч-

никами) пришел Мищенко в пограничный полк. Николаю хотелось скорее влиться в солдатскую семью, чтобы не было недоверия, которое помимо воли иногда проскальзывало у однополчан, уже знающих, почему фунт солдатского лиха, к нему, девятнадцатилетнему, почти три года проторчавшему на оккупированной территории. Не будешь же каждому доказывать, что имел связь с партизанами, что едва избежал угона в Германию, что ненавидишь фашистов всеми фибрами. Потому-то с первых дней служил ревностно, в короткий срок овладел автоматом, прошел курсы снайперов. И когда в феврале из пограничных частей посылали снайперов на передовую, Мищенко попросился первым. И не зря. Десять фрицев ухлопал он за неполный месяц и вернулся на заставу с медалью «За отвагу». Теперь он чувствовал себя полноценным членом солдатской семьи.

...От ячейки к ячейке шепотом передали: «Идут. Пятро».

«Значит, — вспомнил Мищенко, — вступает в силу первый вариант: малочисленную группу пленить». Он снял предохранитель, потянул затвор на себя, поставив автомат на боевой взвод. Напряг слух. Тихо. Значит, ступают мягко, по-кошачьи. Неожиданно, хотя ждали минут десять, над бровкой оврага показалось заросшее лицо, глянуло по сторонам. Ничего подозрительного. Человек привстал на колени, осмотрелся еще раз и дал знак рукой — путь свободен. Следом появились и остальные. Высокий широкоплечий человек в полушубке с ручным пулеметом на плече замыкал шествие. Когда по свободному коридору бандеровцы, озираясь, отошли от оврага метров десять, сержант Алексеев громко крикнул: «Руки вверх! Бросай оружие!». Шедшие замерли от неожиданности, руки сами собой потянулись вверх. Лишь замыкающий попятился назад и резко вскинул пулемет. Мищенко, не мешкая, нажал на спусковой крючок, и пулеметчи грузно осел на землю. Из укрытия вышел командир отделения. Вместе с Кудиновым обыскали за-

держанных, связали им руки и, забрав винтовки и пулемет, увели в заросли.

Через полчаса подошли бойцы соседней заставы. Вместе с ними шел и командир батальона.

— Как дела? — хрипло спросил майор.

— Четверых пленили, один убит, — отпартовал сержант.

Будто предчувствуя, что комбат выйдет к оврагу, начальник заставы, придерживая на боку кобуру пистолета, бежал сюда.

— А на других участках?

— Тихо, товарищ майор, — доложил подоспевший лейтенант Макеев.

— Не богато, друзья человечества.

— Не скажите, товарищ майор, у нас еще кое-что имеется, — улыбался начальник заставы, рассказывая о тайнике и о его содержимом.

— Молодцы. Кто обнаружил?

— Ефрейтор Кудинов.

— Представьте к награде. Всем остальным, кто принимал участие в операции, я объявляю благодарность.

Солдаты с любопытством рассматривали пленных. Бандеровцы сбились в кучу, исподлобья глядели на пограничников. При каждом вопросе переглядывались друг с другом и молчали. Вид у них был плачевный. Одежда оборванная, лица заросли многодневной щетиной. Выделялся лишь один. Он был чисто, до синевы на скулах, выбрит. На худощавой фигуре ладно сидела кожаная куртка, серые, немецкого покроя брюки были заправлены в хромовые сапоги. Густая шапка черных выющихся волос. Кудинов внимательно наблюдал за этим «щеголем». Что-то знакомое виделось ему в облике пленного. Волосы, карие глаза, прямой нос, волевой, чуть выпирающий подбородок. Встречались? Но где? И вдруг вспомнил. Подталкиваемый догадкой, в которую даже не хотел верить, подошел к пленному и, глядя в упор, спросил:

— У вас есть брат — Иван Мельниченко?

«Щеголь» от неожиданности вздрогнул и только спустя несколько минут спросил:

— Где он? У вас?...

Кудинов ничего не ответил. Просто он окончательно понял, что Иван Мельниченко дезертировал, когда они ехали в эшелоне.

Вечером следующего дня командир батальона собрал офицеров. Он поблагодарил Макеева за удачные действия бойцов заставы и сообщил, что вещи и документы, извлеченные из тайника, имеют большую ценность.

Настроение у комбата было хорошее. И не случайно. Среди пленных бандеровцев оказался помощник командира сотни — щеголеватый Мельниченко, который дал любопытные показания. От него стало известно, что скоро состоится совещание командиров сотен.

— Если нам удастся обезглавить бандеровцев, будем считать свою задачу наполовину решенной, — заверил майор. — К этой операции нужно подготовиться особенно тщательно. Мы должны ликвидировать банды в самый кратчайший срок.

Хрипловатый голос Тулупова звучал ровно, убаюкивающе. Но офицеры, утомленные за две недели бесконечных переходов и полубессонных ночей, стойко бодрствовали, хотя совещание продолжалось второй час.

— И еще о тактике, — повысил голос майор. — Ее придется несколько изменить. Бандеровцы поняли, что по численному составу они превосходят нас. Но знают, что мы лучше вооружены и обучены. Поэтому, как утверждают пленные, главари решили внезапно нападать на заставы, которые по какой-либо причине оторвутся от основных сил. Другими словами, бить нас по одиночке. С завтрашнего утра заставы будут вести операцию спаренно. Придется усилить и ночные дозоры. Дальше километра от расположения их не посылайте... Ну вот, кажется, и все, что хотел вам доложить.

Офицеры, скинув напряжение, зашевелились, задвигали табуретками и стульями, начали вполголоса переговариваться.

— Вопросы ко мне имеются? Предложения? — спросил комбат, зачерпнув кружкой воду из полного ведра.

Пока офицеры думали, он пил, не торопясь. Поставив кружку на лавку рядом с ведром, переспросил: — Все ясно? Вопросов нет?

— Нет. Все поняли, — ответил за всех Макеев.

— Раз ясно, вопрос исчерпан. Только прошу вас: ежеминутно, ежечасно напоминайте подчиненным о бдительности. Бдительность и еще раз бдительность. Малейшее проявление ротозейства приведет к плачевным результатам... Все, точка. Отправляйтесь, молодцы, по своим заставам.

* * *

Оксана Колесниченко — двадцатилетняя девушка — не походила на своих подружек-одногodeк. Она была синеглаза, белоголова, с приметной родинкой — точечкой на румянном лице. И родинка эта выделялась в центре подбородка. Ладная, среднего роста, в ситцевом, белом в темный горошек платье девушка казалась скромной березкой в средне-русской полосе. Такой и запомнилась Оксана солдатам заставы лейтенанта Макеева, когда вела их на хутор, где, согласно полученным данным, должно было состояться совещание бандеровских командиров.

Девушке пришлось хлебнуть немало. В тринадцать лет она лишилась матери — брюшной тиф скосил неумную в работе, а потому не по годам изможденную женщину. А когда Красная Армия пришла в Западную Украину, пуля, посланная врагом, оборвала жизнь ее отца. И осталась дивчина одна-одинешенька без присмотра и защиты, помня запах нещедрых на ласки материнских рук, стужу суровых отцовских глаз, недоверчиво пронизывающих ее из-под нависших черных бровей. Она так и не успела понять, откуда взялась эта отцовская отчужденность и строгость, чья в том вина.

В четырнадцать лет хлеб, добытый собственными ру-

ками, не сладок. Солон пот в жаркие и длинные летние дни, еще солоней слезы в душевные и короткие ночи. В первые месяцы работы она не знала, как угодить молодому хозяину, которого все звали Меченым за ножевой шрам на лице. Одни говорили, что этот шрам остался от пьяной драки на ярмарке, другие — что не поделил он с кем-то добычу в разбойных лесных делах. И то, и другое походило на правду. Меченый был человеком неуравновешенным и жадным.

Оксана никогда не забудет разбитую крынку хозяйского молока. Осторожно несла она молоко, но поскользнулась на маслянистой после дождя земле и упала. Исполо овал ее тогда Меченый плеткой до потери сознания. И сейчас еще рубцы заметны.

Полегче стало жить девушке после освобождения Западной Украины. Вместе с панами скрылся куда-то и молодой хозяин. Расцвела, окрепла, повеселела Оксана. Но началась война. Вместе с оккупантами пришел Меченый — еще более лютый и ненасытный.

— Вы не знаете, где скрывался Меченый до войны? — спросил командир батальона, выслушав рассказ Оксаны.

— Хиба у немцев гостил?

— И вы так думаете?

— И я так.

— Почему?

— Шибко по-ихнему балакает.

— Сильно лютует Меченый?

— Ох, и лютует, товарищ офицер. Ох, и лютует. Еще страшнее стал.

— Страшнее?

Девушка зарделась. Потупив глаза, прошептала:

— Приставать стал. Проходу не дае.

— Так... Это и заставило вас придти к нам.

— Не только это. Узнала я, что завтра все главные бандиты на хуторе собираются. Совет держать будут...

— Это вам Меченый сказал?

— Ни. Хлопец один, Меченому услуживает.

— Хлопец?

— Ага, хлопец. Только вин не коханий мий.

Девушка покраснела.

— А он вас любит?

— Должно, так. Усе звал утикать с ним. Завтра писля сходки вернется и тикати будемо.

— Не согласилась?

— Я промолчала.

— В хуторе наверняка заметят ваше отсутствие.

— Я у хозяйки отпросилась. На два дня. В город слетать.

Рассказ этот выглядел правдоподобно. Что у бандеровцев намечалось совещание, Тулупов уже знал. Известно было и место сбора. Сейчас картина прояснилась. Мешкать было нельзя.

Под утро пограничники были уже на месте. Лес, окружавший со всех сторон одинокий, невидимый в этот час дом, таинственно молчал. Осторожные шаги, слышимые не далее десяти метров, не смущали бойцов. Это были свои. Кольцо замкнулось там, откуда поле, подступающее к угрюмой, на долгие годы сколоченной хате, хорошо просматривалось...

Кудинову и Сизову поручили несложную на их взгляд задачу: охранять девушку-проводницу. Парни сидели рядом с Оксаной и молчали, не зная о чем говорить. Она, кутаясь в шинель Василия, зябко ежилась. Любуясь ею, такой красивой и решительной, Леонид Сизов невольно вспомнил свою девушку — Валю. Что делает она в этот ранний утренний час? Спит? Встречает рассвет на Воробьевых горах, где нравилось им бродить до восхода солнца? Там, на Воробьевых горах, впервые испытал он себя как человека, способного защитить и свою честь, и честь любимой. Как это было? Леонид хорошо помнит начало, конец — туманно. Примерно в такое же утро поднимались они, держась за руки, по крутым склонам гор. И тут повстречались три незнакомых парня.

— Погулял, фраер, и достаточно. Домой уматывай. А с ней мы погуляем, — прокартавил коренастый крепыш в серой в клеточку кепке.

Полупьяные дружки его смачно гоготали. Леонид почувствовал дрожь девичьих пальцев.

— Я еще и сам не нагулялся, — старался отшутиться Сизов.

— Ну, поговори у меня, — крепыш протянул к горлу руку. Леонид, поняв, что драки не избежать, изо всех сил рванул волосатую руку картавого на себя, и тот, не удержавшись на ногах, полетел вниз. Потом Сизов почувствовал крепкое объятие долговязого парня. С ним вместе покатился с горы, крикнув Вале: «Беги!».

Воспользовавшись суматохой, девушка убежала. Вернулась назад с двумя милиционерами. Долговязого милиционеры задержали, вернее, не они, а Леонид, мертвой хваткой вцепившийся в брючный ремень хулигана.

Окровавленного Сизова едва привели в сознание.

— Упрям и когтист ты, парень, — одобрительно сказал один из милиционеров. — Трех не испугался. Тебя бьют, а ты вцепился как клещ. Он тебя, видно, ножищами лупцевал...

Сизов молчал, вытирая кровь с лица.

С тех пор и стал у него нос с горбинкой, а на переносице — крохотный шрам...

К действительности Леонида вернули выстрелы. Бандиты заметили ползущих по полю солдат. Хутор сразу из мирного превратился в крепость, огрызающуюся пулеметными и автоматными очередями.

— Так их не возьмешь. По канавке, по канавке надо. Она к самой повитке ведет, — шептала Оксана.

— У тебя гранаты есть? — спросил Сизов.

— Две лимонки, — ответил Василий.

— Давай сюда. Будет четыре.

— Что ты задумал?

— Прикроешь в случае чего из автомата, — хмуро ответил тот.

Бандеровцы, видимо, забыли о существовании канавы. Все внимание они сосредоточили на опушке леса, откуда ждали атаки. Этим и воспользовался Сизов. Грох-

нули один за другим четыре взрыва. Пулемет, установленный под крышей сарая, замолчал...

Когда бой окончился, солдаты насчитали двенадцать трупов. Ни один бандеровец не сдался в плен. Дрались зло и до последнего...

— А Меченого немає. Неужто утек? — испуганно спросила Оксана, осмотрев трупы.

— Куда же ты теперь? — глаза Кудинова глядели сверху вниз с таким нескрываемым любопытством, что девушка потупилась и покраснела.

— Немае иншого пути. Тильки с вами теперь. Не прогонят, если.

— Не прогонят. Обязательно не прогонят, — обрадовался почему-то Василий и так уверял, будто от него зависела ее судьба.

К счастью Оксаны ефрейтор оказался прав. Ее зачислили в санчасть...

* * *

Деревушку, где жила тетка Купава Петровна, Мельниченко отыскал в то же утро, когда сбежал из эшелона. Память не подвела. Еще не успел рассвет вызеленить землю, а Иван уже сориентировался. В сорок первом побывал здесь: где-то недалеко от этой низины приняли тогда скот, который он сопровождал из родных краев. Дорога домой была отрезана (немцы оккупировали Ровенскую область), и он два месяца прожил у одинокой тетки. В том же сорок первом уехал учиться в ремесленное училище, на год убавив свой возраст при приеме. Все равно никаких документов не было.

Теперь, когда он явился вторично, Купава Петровна сразу поняла, чего от нее хочет племянник. Давно уже, после принятия баптистской веры, она благоволила к людям, которым не приходилось рассчитывать на сочувствие представителей власти.

Выслушав сбивчивый рассказ племянника, Купава Петровна сказала:

— Правильно, Ваня, поступаешь. Укрыться найдем где. Тайничок у меня имеется... Да что я разговорилась-то. Небось, проголодался? Ну я сейчас, — и захлопотала.

Мельниченко с жадностью ел теплую вареную картошку прямо из чугуна. Купава Петровна очищала кожуру и рассказывала:

— Мать-то твоя лет на пятнадцать раньше меня замуж вышла. Помню, появился после излечения в госпитале солдатик в селе, хохол. И приглянулась ему она. Неделью живет, другую. Посватался. Поженились. А перед самой революцией увез ее к родичам своим, в хохляндию.

Накормив изголодавшегося племянника, женщина села рядом и, сузив бесцветные глаза, доверительно прошептала, хотя в избе, кроме них, никого не было.

— Может, уж все-таки разобьют наших-то... Бой, гурторят, страшный идет. Глядишь, и не выдержат. Не горюй, еще лучше заживем.

Но Ивану не нужны были ни немцы, ни русские. Он боялся и тех, и других и не любил их одинаково. И потому в свою тайну тетку Мельниченко не посвящал. Лишний свидетель — лишний язык.

Долго Мельниченко укрывался у Купавы Петровны.

Однажды она вернулась домой мрачней обычного, заперла дверь на крючок и подала сигнал в тайник, что находился в скрытом закутке подпола. Показалось заросшее черными волосами лицо Ивана.

— Посоветоваться надобно.

— Случилось что?

— Пока нет. Но может. Председатель сельсовета спросил сегодня: «У тебя, Купава, часом, никто не проживает?» — «Нет, — говорю, — а что?» — «Да так просто», — отвечает. А по глазам вижу, не так просто пытается черт лысый. Пронюхал, должно быть...

— Плохо дело, — сказал племянник.

— Я покумекала тут и решила переправить тебя поближе к дому. Немцы-то, оказывается, за Ровно укачи-

лись. Надо же куда удрапали, супостаты, — в сердцах плюнула тетка.

— Неужели? — блеснули глаза у Мельниченко.

— Верно говорю.

— Тогда надо переправляться.

— Не спеши. Братья доставят тебя целехонького. Но сперва прими веру.

— А что ж не принять? Приму, — охотно согласился Иван, обрадованный тем, что встреча с родными не за горами.

Там, в вольных лесах, видно будет. На месте всегда виднее.

На другую ночь Ивана посадили в сани и отвезли в глухую деревушку. Так, от «брата к брату», переправляли его, так он оказался неподалеку от Ровенской области. Здесь, по всей видимости, сфера действия баптистов заканчивалась, и Мельниченко пришлось рассчитывать на собственные силы и везение.

Однажды в февральскую выюжную ночь он страшно перепугался. Думал, пришел конец всему, к чему так упорно стремился. Он сразу узнал Василия Кудинова. По спокойному голосу, по кажушимся на первый взгляд медлительным жестам. Спасло то, что ефрейтор, озябший и усталый, не узнал бородатого Ивана. Хотя Кудинов и остановил его, хотя и повел для выяснения личности в деревню, где стояла застава, Мельниченко все-таки сумел схитрить — попросился «по-большому», ушел за кусты и скрылся в темном лесу. Сначала слышал требовательное: «Скоро ты там?», а потом расстояние погасило голос. Иван, испуганный и потный, все бежал и бежал, пока не упал обессиленно на снег. Под утро он вернулся к хозяину, приютившему его перед дальней дорогой, и попросил убежища до чернотропья. Брату во Христе — светлоглазому, белобородому старикашке — волей-неволей пришлось это сделать, потому что Мельниченко заболел.

Только в первых числах апреля Иван снова двинулся в путь. Вторая попытка была удачной. Поздним ве-

чером он постучал в дверь родной хаты. Мать с трудом признала сына — так сильно изменился он за эти годы. Но потом, когда он побрился и переоделся, долго не могла оторваться, прижимала к груди «буйную чернокудрую головушку».

Однако не радость ждала Мельниченко дома. Мать рассказала: отца с братом убили солдаты. Недавно. За несколько дней до его возвращения. Испугало Ивана и другое: он пришел к тому, от чего так долго и так упорно скрывался. Он вернулся к войне и теперь не видел спасения, не видел выхода...

Ночью он не сомкнул глаз. Тысяча проклятий послал на голову бандеровцев. Они затеяли, на его взгляд, игру. «Глупцы, какие безмозглые глупцы, — шептал он. — Немцы не устояли, а они на что надеются?

А утром пришли «они». «Уже узнали, связь работает, что надо», — подумал Иван, когда без стука, как в собственный дом, вошли трое с винтовками.

Поздоровались. Пригляделись. Из них Иван выделил рыжего мужчину со шрамом на щеке. Тяжелый взгляд из-под густых нависших бровей. Нос картофелиной. Подбородок — словно ножом срезанный. Плечистый, высокий, чуть-чуть сутуловатый, он мягко ступал сапожищами. «А руки какие! — испуганно глядел Иван. — Одним ударом бугая свалит». Рыжий бесцеремонно присел рядом, спросил, откуда пришел, что думает делать. Мельниченко говорил долго и подробно.

— Так, — рыжий хлопнул ладонью по его коленке, как точку поставил. — Что от красных убежал, хорошо. что выучился на пулеметчика — еще лучше. Ты для нас находка.

Он не спрашивал, согласен Иван или нет, сам решал за него.

«Вот попал — так попал, — растерянно подумал Мельниченко. — Из огня да в полымя».

— Отец и брат погибли, как герои, за нашу самостийную батьковщину. Верю, и ты не опозоришь фамилию, — повысил голос рыжий. Позднее Иван узнал его кличку —

Меченый. Он был вожакom одной из сотен. Из-за болезни Меченый не попал на совещание командиров и тем самым избежал участи остальных сотенных.

Меченый говорил полуправду. Отец Ивана погиб не геройской смертью. При первых выстрелах он погорячился, неосторожно сунулся на помощь сидящим в засаде и был убит Леонидом Сизовым в березняке, почти на задворках своего дома. В тот же день бандеровцы не досчитались и брата Якова. Но он остался жив и благоразумно поднял руки вверх по требованию пограничников. Впрочем, Меченый этого и не знал.

Утром с котомкой за плечами, в которую мать понапихала всякой всячины, едва сдерживая дрожь в коленках, Иван ушел с бандеровцами. В ушах его долго еще стоял стон рыдающей матери.

Намеченная операция на этот раз не удалась. Всю ночь пограничники в сопровождении местного провожатого окольными путями подбирались к деревне, где по точным данным разведки остановились на ночлег бандеровцы. Но за полчаса до их появления сотня Меченого снялась с места и скрылась. Это утверждали и хозяева хат, у которых нашли приют самостийники.

В шесть часов утра к начальнику заставы лейтенанту Макееву прибежала возбужденная женщина.

— Подивись, офицер, что ваш солдат наробил. Увсе крынки, увсе до единой постукал! Черепки одни пид тичинками валяються. В чего я ныне молочко-то буду наливать? И откель москали эти звалилися на наши головы, чтоб под землю им провалиться, — тараторила крутобедрая молодуха с перекошенным от злости лицом.

Лейтенант Макеев едва разбирал мешанину из украинских и русских слов, произносимых скороговоркой. Он, пытаясь успокоить женщину, тронул ее упругие покатые плечи рукой.

— Не цапай, охальник, чай не с жинкой балакаешь,—

заорала она и кулаками толкнула офицера в грудь с такой силой, что он, не ожидая ничего подобного, едва устоял на ногах. Под платком, повязанным вровень с черными бровями, недобро сверкали большие карие глаза.

— Поспокойнее можно? — скрывая неловкость, улыбнулся Макеев.

— Я еще и повинная! — повысив и без того звонкий голос, возмутилась женщина. — Они черт чего вытворяют, никакого покоя людям не дают и думают еще, что с ними кохаться станут...

— Хватит беситься! — поняв, что его умышленно вызывают на скандал, строго прервал ее лейтенант — Показывай, кто и что натворил.

Женщина, увидев в глазах Макеева суровую решимость, осеклась и молча, опустив голову, пошла вдоль деревни. На плетне крайней хаты не было ни одного горшка — картина не совсем привычная для этих мест. Под ивовой загородкой земля густо была усеяна мелкими черепками.

— Вон цей вытворял, вражина проклятая, — указала женщина на солдата, предусмотрительно отступавшего за овин.

Начальник заставы безошибочно определил: Белов — вологодский «бкальщик».

— Хорошо. Разберемся и примем меры.

Лейтенант вернулся к себе и приказал дежурному вызвать Белова.

— Твоя работа? — без предисловий спросил он, когда солдат явился.

— Так точно, товарищ лейтенант, моя.

— Ты соображаешь, что натворил?

— Так точно, соображаю. Только жалко, что на загнетке эти горшки проклятые не тронул, — упрямылся солдат.

— Ты в своем уме? — удивленно моргая, спросил начальник заставы. — В чем горшки виноваты?

— Горшки, может, и не виноваты, а хозяйка виновата. Она бандеровка, сигналы этими горшками подает.

— Ничего не понимаю. Какие сигналы?

— Обыкновенные. Когда вошли мы в дом, горшки вертикально на тычках стояли. А потом, утром, вышла она, толстозадая, каждый, как шапку набекрень, наклонила. Стало быть, знак своим подала — в деревне мы остановились... Я давно уже за этими горшками поглядываю. Они вот где у меня застряли, — провел ребром ладони по горлу.

Начальника заставы удивило это предположение. Он некоторое время задумчиво смотрел на солдата, а потом, будто очнувшись, произнес:

— И вот что интересно — наблюдательность проявил. А вот горшки побил — плохо. Местное население против нас настраиваешь. В другой раз не будешь безобразничать?

Солдат четко повернулся и пробурчал себе под нос:

— А горшки все равно колотить буду. Из-за них, может быть, эти ночные в «ноль-ноль» нам все ноги измотали.

Белов ушел. «Все равно колотить буду!» — передразнил солдата Макеев. Его рассердило самоуправство и в то же время порадовало, что бойцы заставы не только четко выполняют команды, но и стараются осмыслить происходящее, вникают в детали. О том, что у бандеровцев безотказно действует простейшая сигнализация, он знал. Не исключено, что и безобидные горшки помогают им. «Надо посоветоваться с разведывательной службой, — решил офицер. — А сейчас — спать».

* * *

Из забытья Леонида Сизова вывела боль в плече. Голова была как чугунная. Хотел потрогать все — не мог двинуть руками, они онемели. Осторожно повернул голову вправо-влево: лежит на спине в лесу кое-как перебинтованный. Ощутил лопатками сосновые шишки. Попробовал пошевелить пальцами. Шевелятся еле-еле.

«Руки-то связаны, во рту кляп... Попал к бандитам», —

пронеслась страшная догадка, и он почувствовал, как холодная испарина выступила на лбу.

«Что же произошло, что? — он попытался вспомнить все по порядку. — Ах, да! Вечером, на закате, возвращался с Беловым на заставу из штаба батальона. Когда дорога подошла к мелколесью, услышал выстрелы. Что-то сильно толкнуло в плечо и обожгло. Упал. Топот ног. Кто-то взволнованно проговорил: «Тот мертв, а этот ранен. Поташили...»

Сизов попробовал языком вытолкнуть кляп. Не получилось. Снова попытался шевельнуть непослушными руками — больно. Тогда — надо лежать неподвижно. Зачем мучить себя? Широко открытыми глазами он долго, не моргая, смотрел на верхушки сосен, на густую синеву неба, картинно просвечивающуюся сквозь разлапистые ветки. Боль постепенно стихала. Невольно вспомнились слова командира батальона: «Страшиться плена... Нашего брата-пограничника они ненавидят больше всего...»

«Больше всего, больше всего, больше всего...» — повторялось до звона в ушах.

«Нет, только не думать об этом, только не об этом, только не об этом», — ворочалась мучительная мысль.

«Тогда о чем, тогда о чем, тогда о чем?»

Сизов попытался отогнать мысли о смерти и закрыл глаза. И почему-то сразу увидел перед собой Москву, тесную комнату в бараке на Воробьевых горах. Почти всю комнату занимали стол, кровать и гардероб. На кровати спали родители, а ему стелили «на втором этаже» — на деревянных полатах, над дверью. Им обещали новую квартиру, но в начале войны стройка прекратилась и надежда пропала.

Леонид любил этот район Москвы, тихий и спокойный. Всего в километре — Москва-река. Минуешь грязновато-желтое здание киностудии «Мосфильм», свернешь чуть вправо, спустишься по натопанной узенькой извилистой тропинке с Воробьевых гор и, пожалуйста, купайся. А нужно в центр — садись в троллейбус. Несколько остановок по набережной до Киевского вокзала. По-

том в метро. За шесть минут электропоезд домчит под землей до «Площади Революции». А там и до Красной площади рукой подать. «Как на даче живем, — гордился отец. — А что комнатуха маловата — не беда. В тесноте — не в обиде».

«И верно, хорошо», — подумал Сизов.

Предстала перед глазами Валя — одноклассница, с которой Леонид дружил с седьмого класса и до ухода в армию. Думал, так просто дружил, ничего особенного, а уехал на второй год войны в деревню на каникулы — затосковал. «Во сне зовешь ее», — подтрунивала мать. И верно. Ему часто снились голубые глаза Вали, ее светлые локоны, мягкие руки с крохотной бородавкой на мизинце. На среднем пальце девушка носила красивое золотое кольцо. Когда провожала в армию, сняла его с руки и надела Леониду на мизинец. Больше ни на какой палец не подошел. «Не потеряй. Как талисман. От любой пули убережет». И заплакала. Леонид высушил поцелуями ее мокрые глаза и чуть сам не прослезился. Но кольцо берег, никогда не расставался с ним, даже когда ребята в казарме подтрунивали. Терпел. «Цыганка нагадала — кольцо от смерти сбережет». Почему-то стеснялся признаваться, что его подарила любимая девушка. «Дурачок», — невольно улыбнулся Леонид.

И вот теперь, пожалуй, ему никогда больше не увидеть Москвы, не поцеловать милых Валиных пальцев, не скатиться на лыжах с Воробьевых гор. И новая квартира не потребуется. Всему конец.

«Как глупо, как глупо получилось», — мучила мысль, и в бессильной злобе он стукнул по земле каблуком сапога.

Кто-то подошел и произнес весело:

— Очнулся, голубчик. Так-так. Теперь ты у нас заговоришь.

Приблизился еще кто-то. Леониду видны были только стоптанные сапоги.

— Вынь кляп изо рта. А то москаль посинел весь, — приказал тот же голос.

Леонид глубоко вздохнул. Потом повернул голову и обомлел. Перед ним стоял Иван Мельниченко и с молчаливым удивлением рассматривал его. Сизов отвел взгляд и увидел другого, со шрамом на щеке.

— Вот так встреча. Нарочно не придумаешь, — проговорил все еще не пришедший в себя Мельниченко.

— Знаешь его, друже?

— Вместе учились в полковой школе.

Леонид презрительно отвернулся.

Бандеровцы отошли на несколько метров в сторону. Неразборчивый шепот донесся до ефрейтора. Потом осторожно, словно не решаясь, подошел человек, помолчал у изголовья, наклонился и пробурчал:

— Не притворяйся. Не спишь ведь.

Леонид слушал, не открывая глаз

— Не глухой... Что тебе надо?

— Слышишь, Сизов? Немногое. Планы... Все, что знаешь.

— Но это проще простого. Сходи к командиру. Он все расскажет.

— Не оstri. На твоём месте я бы не шутил, — Мельниченко ходил взад-вперед, нервно, до хруста в суставах, сжимая пальцы рук.

Эта нервозность не ускользнула от Сизова:

— Страшно, оказывается, убивать беспомощного человека?

— Почему убивать?

— Потому что от меня ничего не добьетесь.

— Уверен?

— Развяжи руки, если не боишься.

— Полежишь и так...

— Развяжи ему руки, друже, развяжи, — гототнул мужчина со шрамом. — Никуда он от нас не денется.

Мельниченко послушался. Он молча наблюдал, с каким облегчением Сизов вздохнул, поглядывая на посиневшие запястья рук. Молчание длилось недолго. Мельниченко присел на корточки у ног пленного и начал уговаривать.

— Зря упорствуешь. Никто не узнает, какие сведения дашь.

— Я не предатель и не дезертир...

— Жить надоело? — Мельниченко понизил голос до шепота.

— Не шипи, не гусак.

— У-у, гад! — Мельниченко замахнулся, но не ударил. Сизов как будто только и ждал этого. Он изловчился и изо всех сил, на которые был способен, ударил Мельниченко сапогом. Тот взвизгнул, схватился руками за низ живота и присел на колени. Но Сизов чувствовал, что не рассчитал, что удар был слаб и бывший однопольчанин лишь притворяется.

На крик бросились бандеровцы. Увидев их, Мельниченко кинулся на Сизова, зачем-то разорвал на нем гимнастерку, а вместе с ней и белую нательную рубашку, а потом, поняв, что мстит по-бабьи, трижды ударил кулаком по лицу.

Тот, что со шрамом, молча наблюдал за этой возней.

— Мирные переговоры, как вижу, ни к чему не привели. Так... и шрам на его лице побагровел. — Думаешь в молчанки поиграть? Не выйдет!..

Сизов презрительно отвернулся от него.

— Чего сурно воротишь? Ну, смотри сюда!.. Не хочешь? Калина! Поверни его рыло. Слышишь, Калина, где ты там топчешься? Ах, слюняй... Тогда ты, Иван, поверни.

Мельниченко потянулся к лицу, а Леонид неожиданно подался вперед и вцепился зубами в большой палец его левой руки. Мельниченко дернулся и завизжал еще громче и пронзительнее. Побелев от боли и злости, он выхватил из ножен финку, полоснул Сизова по обнаженной груди раз, другой, потом еще и еще...

Иваном Мельниченко двигало сейчас только одно — он хотел убедиться, что все люди трусливы, что смелых на свете нет, что смелость — показуха. Однако убедиться в этом ему не удалось. И потому овладела им такая жестокость и злоба, что даже Меченый отвернулся...

Петр Мищенко заступил на пост в полночь. Воспаленные от длительного недосыпа глаза смыкались сами собой. Стоило прислониться к стене, как сладкая истома кружила голову, сознание расплывалось, все куда-то проваливалось.

Мищенко знал: на посту сегодня многие. Недалеко от него стоит еще один часовой, а за деревней — усиленные наряды дозорных. Сейчас он в ответе друг за друга, засни один — могут погибнуть все.

Глаза уже свыклись с темнотой. Различимы стали очертания предметов. Вон куст у обочины дороги, а это колодезный журавль между хатами...

Моросил дождь. Мелкие капли монотонно барабанили по плащ-накидке, убаюкивали. Мищенко понял, что сейчас он способен лишь бороться с дремотой, а не службу нести, потому решительно дернул шнурок, скрепляющий концы плащ-накидки, и подставил лицо освежающим дождевкам. Но дремота не отступала. Солдат приблизился к окну и стукнул три раза в стекло, подавая дежурному условный знак. Тут же на крыльцо вышел младший сержант Еременко.

— Что случилось?

— Спать сильно хочется.

— Замену просишь?

— Кем заменить-то? Все недосыпают, не один я... У хозяйки мешок с подсолнухами на печке греется. Принеси горстки две. Не разорится.

Еременко задумался:

— ...Ну шут с тобой, возьму грех на душу, — решил он и исчез в сенях.

По опыту Мищенко знал, что единственное спасение от дремоты — дать нагрузку зубам и скулам. Расшевелимся они, и сон как рукой снимет.

Появился Еременко.

— На, держи, — сказал он и пересыпал из своих карманов в карманы шинели часового шуршащие семечки.—

Лузгай, да шелуху не расплевывай во все стороны. В карман прячь. Не дай бог, хозяйка заметит и шум поднимет. Взгреют меня.

— Не бойсь. Я не дурень.

Мищенко притаился у дерева, осторожно лузгая семечки. Сон понемногу отступил. Лучше стали слышать уши и веки полегчали, стряхнув свинцовые гирьки. Легкий ветерок шевелил подсохшую за неделю солнечных дней прошлогоднюю листву, и дождинки мягко падали на нее, на пилотку, на ворот шинели и скатывались под гимнастерку, холодя шею. Солдат прошелся назад и вперед под деревом — собственные шаги заглушали окружающие звуки. «На месте стоять сподручнее. Слышимость лучше», — решил часовой.

В коридоре раздались шаги. Появился младший сержант Еременко.

— Как дела, Петро?

— Порядок, товарищ младший сержант.

— Порядок? Это хорошо. Значит, помогли семечки?

— Да еще как!

И снова Мищенко остался наедине с обманчивой тишиной, где каждый шорох заставляет вскидывать взведенный автомат.

Усилился ветер. Дождить перестало. В черноте ночи, на дороге, Мищенко уловил неясное движение. Прислушался. Похоже — осторожные шаги человека. Солдат притаился за стволом дерева. Шаги приближались. Вот Мищенко уже видел неясный силуэт крадущегося человека. Двадцать метров, пятнадцать...

— Стой, кто идет!

— Я иду. К вам, — испуганно забормотал мужчина.

— Ложись! — приказал Мищенко.

Темная фигура словно растаяла, слилась с землей.

— Мне командира вашего бачить треба, — бубнил лежащий. Рядом с часовым оказался неусыпный Еременко в накинутой на плечи шинели, но с автоматом в руках.

— Где?

— На дороге лежит...

Младший сержант приказал задержанному встать и поднять руки вверх.

Ощупал карманы.

— Пистолет зачем? — спросил он.

— На всякий случай. Жить-то хочется, — не очень уверенно ответил тот.

— Куда шел?

— К вам, к старшему вашему.

— Бандеровец?

— Утикал от них.

— Иди вперед по дороге! — приказал Еременко. А часовому крикнул: — Смотри в оба! К лейтенанту ответь ему.

В одном доме с Макеевым ночевал и командир батальона. Оба в считанные минуты оделись и приступили к допросу задержанного.

— Фамилия? — задал традиционный вопрос майор Тулупов.

— Калина я, — с готовностью ответил невысокий худощавый мужчина с воспаленными веками. На правой скуле — небольшая вздутина. Видимо, после флюса. — Бандере служил, а теперь утек от них.

— Давно утек-то?

— Ночью этой. Уснули они, а я и утек.

— Служишь давно?

— Месяц, чуть больше по лесам ховаюсь.

— Добровольно или заставили?

— Да как сказать, товарищ офицер... и то, и се, — сокрушенно покрутил головой Калина.

— Это как понять?

— Вначале добровольно в лес ушел, воевать не хотелось, а потом на них наткнулся. Ружье дали, сказали, за самостоятельную батьковщину бороться будешь, а не будешь — прикончим, как собаку.

Офицеры переглянулись.

— В нападениях на советских солдат участие принимал?

- Ни. Мне ружье без мушки досталось.
- Винтовка, наверное?
- Ага, она.
- А пистолет где взял?
- У Меченого. Уснул он, а я вытащил — и теку.
- Кто такой Меченый? — спросил лейтенант Ма-

кеев.

— Сотенный наш. Прозвище у него такое. Он один за всех главарей теперь остался. Остальных энкэвэдэвцы на той неделе укокошили.

— Какой он из себя?

— Зверь. Лютый зверина.

— По облицию какой?

— И по облицию зверь. Здоровенный, як бык, и шрам во всю харю.

— Почему сбежал от них?

— Грех на душу не хочу брать. Бандиты они. Добрых людей убивают и грабят. А солдат ваших пытаются — страх один.

— Солдат?

— Позавчера одного вашего раненого приволокли. Пытали, не приведи господь. Но он ничего не сказал. Брыкался лишь. Ух, и лютовали над ним. Всю кожу на груди и спине в ремни исполосовали.

— Ефрейтора?

— Что?

— Я спрашиваю, ефрейтора? Одна лычка вот здесь? — Тулупов показал на погон.

— Кажись, была одна малюсенькая полоска, как кровинка растекшая.

В комнате наступила тишина. Теперь все стало ясно. Пленили Сизова. Тело Белова найдено.

— Куда же Меченый со своими... скрылся?

Взволнованный, как и все присутствующие, комбат, верно, хотел сказать «со своими головорезами», но сдержался и взял себя в руки.

— А в том же лесе и спят все. Верст восемь отсюда.

— Много их?

— Людін сто двадцать наберется. Из двух сотен стеклись туда.

— Какое вооружение?

— Два пулемета на колесах, два с этими, ножками и ружья.

Майор достал из планшета карту, разостлал ее на столе и придвинул керосиновую лампу.

— Послушай, Калина. С картой не приходилось иметь дело?

— Ни, не приходилось, — вздохнул перебежчик. Потом подумал немного и спросил: — А покажь, где мы сейчас?

— Вот здесь, — Тулупов ткнул карандашом в крохотный квадратик. — Это лес, это хутор вправо от него, небольшая сосновая роща и отдельный домик на опушке.

— Так в этой рощице они и спят, — Калина ткнул корявым пальцем в карту.

— Почему не в большом лесу?

— Так они не дурни. Отсюда тикать удобно. В хуторе есть укрытие под землей. Прижми здесь, уйдут потайными ходами к большому лесу.

Офицеры вновь переглянулись. Теперь стало ясно, почему бандитам всегда удавалось уходить от пограничников. Молчание прервал комбат.

— Спасибо, Калина, за хорошие сведения, если не врешь, конечно.

— Вот те крест! Ей богу, не вру. Шкуру спустишь с меня, как с солдата вашего они спустили. Эти бандюги вот как мне надоели — в печенках сидят. Особливо Меченый, будь он трижды проклят... Только не проспите. Уйдут бандюги, встанут и уйдут.

— Что делать будем? — спросил лейтенант Макеев, когда Калину увели.

— Выступать немедленно. Сейчас, — майор взглянул на часы, — два ноль-ноль. На сборы полчаса. Обоз с небольшой охраной оставим здесь. И без шума...

Вел пограничников кратчайшим путем Тарас Калина. ...Заставу Макеева комбат держал при себе, в резер-

ве. Взятый в кольцо лес молчал. Но пограничники знали: в нем засел многочисленный отряд бандеровцев. И сейчас солдаты Макеева смотрели, как усиленная соседняя застава бесшумно продвигается вперед, готовясь нанести главный удар и оттеснить бандитов к хутору, где их будет ждать засада.

Томительное ожидание. До первых сосен осталось примерно метров триста, а ни с той, ни с другой стороны — ни выстрела. Еще минуту отсчитала секундная стрелка. Тишина, изматывающая нервы. И вдруг лес ожил. Гулко затараторили станковые пулеметы, установленные бандеровцами на опушке. И вот уже остались лежать на лугу бойцы, навсегда отстав от своих товарищей, рвущихся вперед. А вскоре и живые залегли, прижатые к земле огнем пулеметов. Заговорили и наши «максимы», однако не надолго. Один из них замолчал сразу же. Видно, для противника, удачно окопавшегося на лесном взгорке, он был приметной мишенью.

— Ах черт, убили пулеметчика.

— Ты думаешь?

— И думать нечего — молчит. Видишь, ползет к нему кто-то из наших, — переговаривались, досадуя, солдаты.

Но вот замолкший пулемет ожил, и ободренные пограничники снова поднялись. Рванулись и тут же легли, встреченные плотными пулеметными очередями.

— Сволочь, как бьет! Как бьет, сволочь, — злился Кудинов. — Опытный сука.

— О ком ты? — спросил Мищенко.

— О бандеровском пулеметчике, что справа. Слышишь? Та-та-та, та-та, та-та-та. Из «максима» бьет. Короткими очередями. По два-три выстрела. Больше не делает. Точно так и нас учили стрелять по отдельным целям и когда патронов маловато.

— Верно, — прислушивался Мищенко. — Бьет — что надо.

Рядом лежал младший сержант Еременко.

— Отходить надо, отходить, — с отчаяньем твердил он. — С низины их не возьмешь.

А пограничники и сами уже догадались, поползли назад. Но не тут-то было. Бандеровцы перенесли огонь, отрезая путь к отступлению.

— Сами в ловушку попали, — Василий со злостью ударил ладонью по земле. — Теперь одно: окапывайся и жди выручки.

Майор слышал, о чем переговаривались солдаты, и злился на себя. Он раньше их понял ошибку. Понадеялся на то, что бандиты, увидев значительные силы пограничников, побегут в укрытия, не приняв боя. А вышло вон как. И теперь, шагая в прогале между хатами, Тулупов думал, как выйти из положения. Снять заставу из засады — значит разорвать кольцо и наверняка упустить бандеровцев, за которыми почти целый месяц охотился. Послать на помощь свой резерв — рискованно: еще неизвестно, что будет дальше. Он понял, что в низине бойцы окопались, ждут поддержки, сознавая бессмысленность в данной ситуации и продвижения вперед, и отступления.

— Пару минометиков, хотя бы пару, — горячился лейтенант Макеев.

«Минометиков, — грустно улыбаясь, подумал комбат. — Если бы они были, эти минометики, — другой разговор. Но где их возьмешь? Ведь тяжелее станкового пулемета у нас оружия нет. Минометики... Без них попробуй выкрутись... Что же делать? И медлить больше нельзя. Неудача угнетает солдат».

— Товарищ лейтенант, надежда вся на тебя, — положив руку на плечо Макееву, скорее просительным, чем приказным тоном заговорил комбат.

Макеев хотел встать, но майор остановил его:

— Сиди, сиди пока... Но вот что. Возьмешь своих молодцов и скрытно выдвигайся на позицию шестой заставы. Только скрытно. Понимаешь? Сосредоточитесь — и сразу в атаку. Наделай побольше шума. На психику

действуй. Понял? Рисуем ведь. При мне оставишь одно отделение...

— Понял, товарищ майор, — Макеев встал, по привычке одернув гимнастерку. — Сделаем, как надо.

— Давай, лейтенант. Надо помочь ребятам, иначе — сам понимаешь, туго придется им... — Тулупов махнул рукой в сторону низины.

Бойцы заставы Макеева где по-пластунски, где короткими перебежками от куста к кусту пробирались к указанному месту. Впереди — автоматчики сержанта Алексеева. Но как ни таились, продвигаясь, пограничники, бандеровцы все же засекли их. Первым это почувствовал Кудинов: пуля шлепнулась рядом, вторая попала в ветку и разорвалась.

«Разрывными бьют, гады», — подумал Василий.

Но двигаться стало уже легче: земля впереди была изрыта неглубокими воронками — не так давно наши войска гнали тут фашистов. Так от воронки к воронке, под пулями ползли вперед пограничники. Одним из первых достиг рубежа Кудинов.

— Много их? — спросил он выглядывающего из укрытия незнакомого солдата.

— Знать, много. Поднять голову не дают.

Кудинов осмотрелся. На опушке леса виднелся бревенчатый дом под соломенной крышей, а неподалеку от него — стог сена. Нигде ни души. Но стоило ему слегка приподняться, как взвизгнула пуля. Сзади кто-то сопел. Ефрейтор оглянулся. Еременко полз с ручным пулеметом. Отстал почему-то. Он допыхтел до соседней воронки, установил пулемет и раскосо уставился на Василия:

— Где они?

— Впереди.

— Знаю. Не вижу только.

— И я не вижу... Вот что, товарищ младший сержант. У вас в диске зажигательные?

— Бронебойно-зажигательные, — уточнил Еременко. — А что?

— Видите дом и стог? Надо лупануть по ним.

Младший сержант согласно кивнул. Простучала длинная очередь — и вспыхнула соломенная крыша. Еще одна — вспыхнул стог. Пламя быстро разгоралось, и вдруг послышались взрывы, видимо, начали рваться боеприпасы. В лесу — было видно — засуетились люди.

— Ага, не нравится, — злорадно крикнул Кудинов и, нажав на спусковой крючок, послал очередь в суетящихся между деревьями людей. Пулеметные и автоматные очереди, винтовочные выстрелы слились воедино.

— В атаку, вперед! — поднялся Макеев и с пистолетом в руке рванулся к лесу. Пограничники, яростно крича и стреляя, бежали за командиром. Потом обогнали его, подкатываясь все ближе к опушке. И, видно, дрогнули нервы у бандитов, заматались бандеровцы среди сосен.

Кудинов, перебегая от дерева к дереву, прячась за стволами, стрелял короткими очередями, расчетливо, наверняка. Вскоре в диске кончились патроны. Василий быстро вынул из чехла запасной и вставил его в автомат. И вдруг он услышал какое-то тарахтение — будто кто-то тачку вез по лесной тропинке. Кудинов спрятался в молоденьком сосняке и пригляделся. Взмокший бандит, озираясь по сторонам, тащил станковый пулемет. Расстояние между ними сокращалось. Тридцать, двадцать шагов... Василий взглянул еще раз и чуть не ахнул: Иван Мельниченко. «Живым, живым взять надо», — решил Кудинов. Мельниченко, очевидно, хотел спрятаться здесь же, в этом мелком и густом сосняке. Кудинов слышал, как тот пыхтел, торопливо втаскивая в чащобу пулемет. И когда оставалось не более двух шагов, Кудинов вскочил и ударил его в голову прикладом. Мельниченко пошатнулся и, цепляясь руками за игольчатые лапы сосны, опустился на землю...

Когда Мельниченко очнулся, перед ним стоял сфрейтор Кудинов, другие солдаты.

— Вот мы и встретились, Иван Мельниченко... — медленно сказал Кудинов.

В сознании Мельниченко всплыли картины последних дней. «Все. Конец», — решил он.

— Где спрятали Сизова? — спросил сквозь сжатые зубы Василий.

— Я не знаю. Я ничего не знаю. Я не видел Леонида, давно не видел, с тех пор, как все вместе были, — хныкал Мельниченко.

— Врешь, гадина! На твоём пальце его кольцо, мародер вонючий.

Мельниченко краем глаза покосился на руку. «Все! Конец!»

Место, куда бросили Леонида Сизова, показал Тарас Калина.

Ефрейтор, обнаженный до пояса, полулежал в окопе, касаясь запрокинутой головой земляной стенки. На правом плече — засохший бурый бинт. На груди и животе страшные ножевые раны, ближе к сердцу запекшаяся кровавая пятиконечная звезда. Издали казалось, что ефрейтор Сизов вот-вот оттолкнется руками от земли и встанет.

Солдаты и офицеры скорбно молчали, держа в руках пилотки и фуражки, и смотрели на истерзанного товарища, с трудом сдерживая слезы. Комбат произнес негромко:

— Смотрите и запоминайте! На всю жизнь запомните!

И тут у Кудинова не выдержали нервы. Скрипнув зубами, он рванул затвор автомата и бросился туда, где лежал Мельниченко.

Дорогу ему заслонил майор Тулупов.

— Успокойся, сынок, — сказал он твердо. — Этим другу не поможешь.

Кудинов как-то сразу обмяк. Отстранив руки комбата, он бессильно повалился на землю, уткнулся в траву.

...Майор Тулупов созвал офицеров на совещание. Он сел на широкий пенёк и развернул на коленях карту.

— С бандой Меченого, можно считать, покончили.

Ушли одиночки. Наши потери: пять убитых и одиннадцать раненых. Бандеровцы, которым удалось вырваться из кольца, и те, кого не было в лесу, по всей вероятности, укрылись в подземелье. Это в четырех-пяти километрах отсюда. Я понимаю, солдаты устали, проголодались. Но лучше одним махом добить врага, чем потом гоняться за ним по лесам... Прошу высказать свое мнение.

Тишина. Слышно, как ветер гудит в вершинах деревьев, как переговариваются солдаты.

— Надо продолжать операцию, — сказал лейтенант Максимов.

Поднялся и лейтенант Трапезников

— В принципе и я за это. Но в продолжении операции вижу и определенный риск.

— Война не бывает без риска, — прервал комбат.

— И все же... Если бандеровцев не окажется там, мы раскроем свои карты, и тогда они долго не появятся в этом подземелье...

— Резонно, — ответил, подумав, майор. — Но они уверовали в свою неуловимость, следуя именно этими ходами. Они убеждены и в том, что о подземелье нам ничего не известно. Мельниченко-старший во многом признался, но он и не намекнул даже об этом тайнике... Лейтенант Трапезников!

— Я!

— Следуйте на базу, организуйте подводы для убитых и раненых. Доставьте сюда Мельниченко-старшего. Смотрите за ним в оба.

Лейтенант заторопился выполнять приказание.

— Минуточку, — остановил его майор. — Позовите ко мне сержанта Алексева.

Пока искали Алексева, комбат писал донесение в штаб полка.

— Товарищ майор! Сержант Алексеев по вашему приказанию прибыл, — четко отрапортовал командир отделения. Рядом с ним стоял и лейтенант Трапезников.

— Вольно. Выбирай солдата, умеющего ездить верхом на коне не хуже тебя, и поедешь с этим донесением

к командиру полка. До базы вместе с ними отправляйтесь и вы, лейтенант.

— Слушаюсь.

— Лейтенант Макеев, дайте Калине побриться, переоденьте его в солдатскую форму, чтоб не особенно приметен был.

— Слушаюсь!

— Товарищи офицеры! Готовьте заставы к операции. Выступаем через час. А сейчас — накормить людей...

* * *

Сидя под замком, Яков Мельниченко много думал. Ему не давал покоя вопрос, заданный солдатом: «У вас есть брат — Иван Мельниченко?».

Есть ли у него брат? Он и сам сейчас не знает, где Иван. Жив ли? Может, и умер хлопчик, посланный родителем в незнакомую дорогу с незнакомыми людьми. В тот день не Иван, а он, Яков, должен был сопровождать скот. Но отец, узнав об этом, взбеленился и, точно рассчитав, поставил все на свои места: «Без Якова в хозяйстве нельзя. Дел много. А с Ивана, несовершеннолетнего, взятки гладки, если по дороге и сбежит. Ежели и не убежит — убыток не велик. Ледащий. Плечи жидковаты еще». А о том, что Якова могут призвать в армию, отец и мысли в голове не держал. Лес густой, тропинок много — любая уведет в надежное место.

Все получилось так, как «расплантовал» родитель. Одно лишь не вышло по его: Иван с чужой стороны не вернулся, как не вернулись и те, с кем путь держал, спасая скот от немцев. О судьбе сына родители сначала гадали по-всякому, а в конце концов свыклись с мыслью: погиб паренек, царство ему небесное! Вот почему Якова тревожил неожиданный вопрос солдата вот почему привычная версия о гибели младшего брата поколебалась.

Теперь, сидя в землянке (Якова специально держали отдельно от других бандеровцев), усталый и опустошенный, вспоминал он детство и юность: бесконечные хлопоты по дому, пастьбу коров и телок — таких же сытых,

как и он сам, таких же ни к чему большему не требова-
тельных, кроме еды. Этой сытостью парень гордился, как
гордился и тем, что она не всякому доступна. Земля лю-
бит рачительных, трудолюбивых. И чем больше этих
качеств у человека, тем больше земли должно принад-
лежать ему и тем жирнее кусок на его обеденном столе.
Это вдолбил ему отец.

Яков перебирал в памяти всех своих лесных
братьев. Раньше ему казалось почему-то, что все
они готовы отдать жизнь за самостийную Украину. Все
до одного. А сейчас, мысленно вглядываясь в каждого,
анализируя мелочи, на которые прежде не обратил бы
внимания, он приходил к убеждению, что «истинных
патриотов самостийной Украины» можно сосчитать по
пальцам. Отдать жизнь непросто. Имея оружие, не
отдал же он ее в минуты безысходности, а покорно под-
нял руки. Растерянность?! Ну, а другие? Вот хотя бы
Калина. Помнится, однажды Меченый собрал свою сот-
ню и долго говорил о земле, которая отойдет к «истин-
ным» патриотам, о зарубежной поддержке. Все внима-
тельно слушали его, но с воодушевлением далеко не каж-
дый. Запомнилось худощавое лицо Калины, словно ка-
менное, ничего не выражающее. Казалось, он был согла-
сен. Но в глазах безразличие, скука.

...И вот теперь сидит он, Яков Мельниченко, в землян-
ке, под замком, не зная, какая судьба уготована ему,
Возможно, и пуля. Не щадил же он, так почему же
должны пощадить его? Нсумолимая логика, до которой
Яков дошел своим умом, вызвала озноб. «Иван! А что,
если жив Иван, братишка, и он пришел вместе с красно-
армейцами? Конечно, он с ними! Зачем же нужно было
тому солдату спрашивать его о брате? А они похожи!
Очень были похожи... Да-да, Иван с ними, и он сумеет
замолвить словечко за брата, спасет ему жизнь».

Разбудил Мельниченко лязг замка и стук около две-
ри. Он сел, стряхнул с брюк солому и зябко поежился.
Обычно в эти дни его не беспокоили. «Чего еще потре-
бовалось?» — подумал он, но дверь уже захлопнулась,

оставив у входа сутулого человека в коротком пиджаке. Человек опустился на солому и закрыл руками лицо. Плечи его вздрагивали.

— За что тебя-то сюда посадили? — спросил Яков, выждав для приличия несколько минут.

Человек ойкнул, словно не ожидал присутствия здесь кого-то другого, отнял от лица руки и повернулся на голос. В неярком свете землянки Яков увидел бледное лицо с лихорадочно блестящими глазами. Оно стало бледнеть еще больше, глаза расширились и рот раскрылся от изумления. Не меньше удивился и Яков.

— Яков!! — крикнул сдавленно младший.

Они ползком приблизились друг к другу и обнялись. Иван всхлипывал, оставляя на пиджаке старшего брата слезы и слюну.

— Не плачь, братик... — сказал старший. — Давай побалакаем трошки... Тебя-то когда заарестовали?

— Не пытай, Яков, ни о чем не пытай... Потом... После все расскажу, — сквозь слезы упрашивал младший.

К двери землянки кто-то подошел и, наверное, нарочито громко сказал часовому: «Будешь охранять новенького, а Яков Мельниченко пойдет со мной».

Иван еще плотней прижался к старшему брату, обхватив руками его шею, и горячо зашептал:

— Слухай, Яков. Мабуть, тебя повезут туда, на гору, к тайникам. Так ты ничего не скрывай. Все скажи им. Мабуть, и меня пожалеют, не убьют. Ведь я сбежал из армии, утикал от них...

Дверь распахнулась, и невысокий лейтенант приказал:

— Выходи, Яков. Да побыстрее.

Старший Мельниченко медленно поднялся.

В дверях он оглянулся и неприязненно посмотрел на плачущего брата. «Вот она судьба! Еще недавно я надеялся на него, а сейчас он надеется на меня», — горько подумал Яков и шагнул в ослепительный свет утра...

...Хутор состоял из двух крепких хат с добротными надворными постройками. Он располагался на возвышенности, покрытой нескошенной прошлогодней травой.

Калина, переодетый в солдатскую форму, неотступно следовал за командиром батальона. Он показывал майору, на каких склонах выставить засады, как перекрыть наиболее вероятные места отхода, которыми могли воспользоваться бандеровцы.

Когда вся подготовка была закончена, командир батальона спросил у Калины:

— Где же основной вход?

— В хуторе, товарищ майор.

— Мне доложили, что там ничего не обнаружили.

— Плохо шукали. Бачишь оwin?

— Бачу, — поддался майор смешанному говору Калины.

— Там он и есть, этот лаз. Под веялкой.

— А кто веялку ставит на место?

— Кто ставил, тот в лес утикал.

В углу просторного сарая стояла старая веялка. Бойцы по указанию майора сдвинули ее в сторону, и на месте, где она стояла, открылся лаз.

— Прокопать траншею около сарая, — распорядился Тулупов.

Нашлись железные лопаты, и выкопав траншею в рост человека, бойцы соединили ее с подземным ходом.

Командир батальона приказал лейтенанту Макееву приготовить на всякий случай ракетницы и дымовые шашки, а сам снова обратился к Калине:

— Вы уже оказали нам большую помощь. Теперь я прошу вас обратиться к тем, кто остался в подземелье. Они знают ваш голос и, может быть, поступят благо-разумно.

Тарас Калина лег на землю и крикнул в молчаливую таинственную черноту:

— Слушайте. Это я говорю, Калина. Вы окружены. Солдаты оцепили гору. Утикать нельзя. Сдавайтесь. Вылазьте и кидайте ружья.

— Я те вылезу, предатель, — раздался чей-то глухой голос, а следом — выстрел.

Пуля ударилась в стенку траншеи.

— Это совсем и зря, дурень. Худше тилько робите. Все едино выковырнут, як кротов, — крикнул Калина.

Слушая голоса из-под земли, майор улыбался. Бандиты в ловушке. Их выстрел не встревожил. Теперь остатки банды не уйдут. Майор подошел к приникшему к земле Калине и посоветовал шепотом:

— Скажи им: пограничники пленных не расстреливают. Сошлись на Мельниченко... Кстати, — обернулся он к Макееву, — доставили его сюда?

— Так точно, товарищ майор, — сказал лейтенант Макеев.

Калина снова громко закричал в подземелье:

— Русские пленных не стреляют и не пытаются. Вот Мельниченко Яков жив и невредим. Того и вам желает.

— Брешешь, гад! Яков погиб как герой, — отозвался тот же хриловатый голос.

— Да нет, это Меченый ноги протянул сегодня в лесу. А Мельниченко, як бугай, здоров, дурни, — перепирался Калина с недавними собратьями. — Хлопцы, как перед иконой вам толкую.

— Тогда зови Якова. Его послушаемо.

Яков Мельниченко косо поглядывал то на Калину, то на траншею, убегающую в мрачную глубину земли.

— Не валяй дурака, Мельниченко. Однажды ты обманул меня, скрыв это убежище. Теперь искупай свою вину, если хочешь увеличить шансы на жизнь, — сказал майор Тулупов.

Бандеровец колебался не больше минуты.

— Калина верно толкует, — закричал Яков не совсем уверенным голосом. — У вас иного пути нема. Из окруженья не выйти... Никого не расстреливают. Слышите, я жив. Никто и вас не тронет, хлопцы. — Мельниченко откашлялся и добавил: — Выходите с оружием. Поднимайте руки и выходите.

В подземелье глухо загудели, а потом снова умолкли. По всей вероятности, там совещались. Потом донесся глухой выстрел.

— Укокали кого-то, — равнодушно предположил Ка-лина. — Сейчас полезут...

Он не ошибся. Небритые и длинноволосые, в старой, порванной одежде, выбирались из-под земли бандеровцы, бросали винтовки и поднимали вверх руки. Пограничники молча глядели на них, держа автоматы наготове. Майор пересчитал пленных бандитов, устало опустил на чурбак и долго глядел вдаль, где над зубчатой кромкой леса стояло солнце. Как-то сразу навалилась усталость, давно копившаяся внутри.

... После двухдневного отдыха батальон майора Тулупова двинулся в путь — догонять наступающие армейские части.

* * *

В один из августовских дней сорок четвертого года сержант Алексеев и ефрейтор Кудинов выполняли привычное для них задание. На безлюдном пригорке они присели покурить. Их внимание привлек поваленный полосатый столб, наполовину погребенный землею. Осторожно, словно прикасаясь к чему-то священному, пограничники горсть за горстью очищали землю, пока не добрались до таблички с буквами «СССР». Они старательно протерли буквы, поднатужились, приподняли столб и прочно укрепили его в положенном месте. Потом встали по обеим сторонам его — сержант справа, ефрейтор слева — и долго смотрели туда, откуда пришел враг и нарушил рубежи Родины. Так и стояли они — кадровый пограничник и молодой, пришедший на службу недавно, — и молчали, держа в руках пилотки. Ветерок трепал их волосы, а солнечные лучи ласкали на их гимнастерках награды: на груди сержанта Алексеева орден Красной Звезды, на груди ефрейтора Кудинова медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Они стояли и молчали, вспоминая, может быть, погибших друзей и товарищей. Они знали, что священная земля отцов навечно очищена от захватчиков. Но впереди еще лежал большой и трудный путь по Карпатам, по землям Польши и Германии.

СОДЕРЖАНИЕ

В чужой стороне	5
Упущенное счастье	8
Ефрейтор Сизов и его товарищи	25

Виктор Алексеевич НАСЕДКИН

ЕФРЕЙТОР СИЗОВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

Главный редактор А. Т. МАРЧЕНКО

Редактор В. Я. ГОЛАНД

Художник Д. Э. ЩЕПИН

Технический редактор И. В. ВАСИНА

Корректор Л. М. ЕРМИЛОВА

Г-81788	Сдано в набор 11.07.85 г.	Подписано к печати 26.08.85 г.
Формат 70×108 ¹ / ₃₂	Физ. п. л. 3	Усл. п. л. 4,2
Бумага типографская № 2	Цена 35 коп.	Уч.-изд. л. 4,8
		Заказ 176

Типография журнала «Пограничник»

Цена 35 коп.

Индекс 70766

